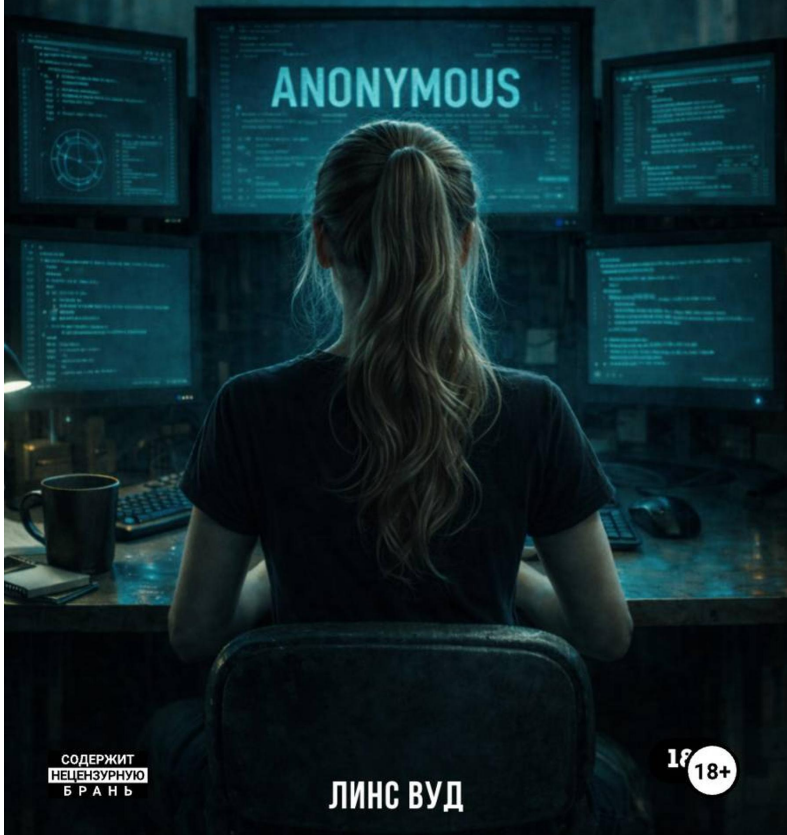

МОЕ ИМЯ ANONYMOUS

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ЛИНС ВУД

18
18+

Линс Вуд

Мое имя ANONYMOUS

Серия «Город, который мертв», книга 1

<https://litres.ru/73932793>

SelfPub; 2026

Аннотация

В этом городе неон светит только для тех, кто может за него заплатить. Для остальных остаются сырые подвалы и честный дневной свет, обнажающий гниль бетонных джунглей.

Ронни — дочь влиятельного человека, наследница безупречной фамилии и заранее расписанной судьбы. Днём она играет роль послушной дочери. Ночью становится Анонимусом — хакером, вскрывающим цифровые тайны городской элиты.

Когда её вмешательство в чужие игры привлекает внимание тех, кто привык оставаться неприкосновенными, Ронни оказывается в центре опасной охоты. В её систему вторгается загадочный хакер, равный ей по уровню. Отец готовит для неё политический брак. А очередной слив информации запускает цепь событий, где цена ошибки — жизнь.

В мире, где власть важнее крови, а доверие стоит дороже денег, Ронни придётся сделать выбор: сохранить фамилию или уничтожить всё, что она символизирует.

Потому что иногда, чтобы стать свободной, нужно сжечь собственное наследие.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	21
Глава 3	35
Глава 4	46
Глава 5	66
Глава 6	91
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Мое имя ANONYMOUS

Тем, кто научился выживать в свете так же хорошо, как в темноте.

Глава 1

Здание когда-то было типографией.

Теперь от неё остались только бетонные стены, облупленная краска и запах пыли, въевшийся в старые кабели. В комнате, где раньше гремели печатные станки, мерцал свет мониторов — единственный источник жизни на фоне мёртвого пространства.

Воздух стоял тяжёлый, будто пропитанный электричеством.

Пустой бетонный зал тянулся на многие метры — гулкий, промозглый, с эхом, которое отзывалось даже на тихий вдох. Сырая прохлада поднималась от самого пола, принося с собой запахи влажного камня, пыли и старого железа, как в заводском корпусе, давно забывшем человеческие голоса, но именно здесь, в самом центре этой мёртвой фабрики, она выстроила собственный остров живого света.

Не дом — укрытие.

Не уют — функциональность.

Справа от входа стояла узкая кровать, простыни на ко-

торой всегда лежали одинаково смятыми — Ронни не спала дольше трёх часов подряд. Над изголовьем висел одинокий промышленный светильник, тихо потрескивающий каждый раз, когда в сети прыгало напряжение, а рядом высился шкаф, чью тяжёлую дверцу заклинивало почти всегда, будто она сопротивлялась любому движению. На бетонном полу всё ещё виднелись следы её босых шагов — мимолётные тёплые пятна на холодной серой поверхности.

Слева располагалась кухонная зона со старой, но идеально чистой столешницей. На ней кофемашина, давно потерявшая фабричный блеск, гудела низким ровным звуком, напоминая маленький реактор, переживший не одну перегрузку. Рядом примостилась микроволновка — когда-то дорогая, а теперь изношенная, со следами времени на корпусе и ручкой, намертво обмотанной чёрной изолентой; Ронни всегда предпочитала чинить вещи, а не заменять их новыми.

Чуть дальше ютились душ и раковина. Импровизированная кабина из пластиковых панелей всё ещё хранила тепло, и из-под её двери тикали редкие капли, падая на бетон глухим, размеренным звуком.

Блип. Блип.

В тишине зала этот звук становился похожим на сердцебиение помещения, но её настоящая жизнь начиналась в самом центре, где стоял тяжёлый деревянный стол — грубый, но безупречно ровный. На нём расположились три монитора: ультратонкие, широкие, с глубокой подсветкой, которая

яркими бликами отражалась в её зрачках. Основная станция работала тихо и ровно, выдыхая мягкое тепло; дорогое железо всегда шумит иначе — уверенно, без малейшего усилия.

Запасной сервер стоял рядом вертикальной башней, и его кулер шуршал едва слышно, в то время как боковой монитор для переписок светился холоднее остальных — Ронни всегда оставляла его чуть ярче. Провода тянулись по полу, но не хаотично, а собранные в аккуратные жгуты: они были уложены так, как делает тот, кто знает, что порядок может однажды спасти жизнь. Вся техника здесь не выглядела дешёвой — она выглядела личной, выбранной ею самой и собранной точно под её руки.

За столом, перед тремя мониторами, сидела девушка. Свет экранов ложился на её лицо холодными бликами; под глазами лежала тень недосыпа, но взгляд оставался резким. Локти упирались в край столешницы, а пальцы двигались почти бесшумно — быстрые, точные, уверенные, словно она играла на инструменте, а не печатала.

Рядом остывала кружка кофе. Запах горьких зёрен смешивался с сыростью бетонных стен и лёгким озоновым оттенком работающей техники. На столе под кружкой темнело кольцо — след ночи, которая ещё не закончилась.

Светлые волосы были собраны в небрежный пучок, и несколько выбившихся прядей отражали мягкий золотистый свет экрана — тёплый, чуждый этому холодному пространству.

Тело оставалось неподвижным, будто застывшим в точке концентрации. Двигались только глаза — быстрые, цепкие, ритмичные, перескакивающие между строками кода. Казалось, она не читает информацию, а проглатывает её.

В пустой бетонной коробке её сосредоточенность звучала особенно громко: слышался ровный гул серверов, редкий потрескивающий щелчок светильника над кроватью и тихие, почти болезненные капли из душевой.

Блип... блип...

Каждый звук отдавался в воздухе влажным холодом. На центральном мониторе вспыхнуло уведомление — короткий резкий импульс света. Она вытянула руку, подтянула клавиатуру и щёлкнула по окну, разворачивая новостную строку во весь экран.

«Награда за голову ANON Y M OUS — 500 000 \$»

Воздух будто стал плотнее, но в уголке её губ лишь дрогнула улыбка — короткая, хищная, удовлетворённо-ленивая, как у человека, который именно это и ожидал увидеть. Она закрыла новость так, будто просто стряхнула мусор. Полмиллиона ничего не значили: город любил лаять цифрами, когда боялся, и награды росли сами по себе, словно погода, меняясь без прямой связи с её действиями. Для неё это был просто шум, блеклая дрожь на краю экрана и лишнее подтверждение того, что она всё ещё остаётся там, где должна быть.

Город всегда пытался ухватить тень. Слухи раздувались быстрее, чем факты, а система наград работала примитивно:

чем громче имя, тем выше цена. Это был не страх перед её ошибками — это был страх перед самим фактом её существования. И всё это было одинаково бессмысленно: стадо кричит, рынок реагирует, цифры растут, а она лишь закрывает очередное уведомление и идёт дальше.

Уведомление вспыхнуло сразу после закрытия новости — резкое, требовательное. Клиенты никогда не выбирали удачное время. Да и выбирать им, по сути, никто не позволял. Она открыла сообщение:

«Мне нужны данные на наёмника под псевдонимом Призрак. Схема работы. Каналы получения заказов. Способ связи. Маршруты оплаты.»

Конечно нужны. В этом городе никого не интересует правда — только информация, которая успевает укусить другого раньше, чем укусит тебя.

Пальцы легли на клавиатуру.

— 10 000 \$.

Никаких приветствий. Вежливость — роскошь для тех, кто ещё верит, что мир что-то должен.

Ответ прилетел мгновенно — грубый, нервный, как у человека, который впервые понимает, что оказался не в своей лиге.

«Сколько? Это за папку с информацией-то?»

Она чуть откинулась назад. Не раздражение — усталое знание: они все одинаковые. Всегда уверены, что их проблема стоит меньше, чем страх, который они испытывают.

— Малыш, ты знаешь, кому пишешь. Если ты пришёл ко мне, значит, остальные уже тебя слили.

Короткая пауза. И этого хватило, чтобы по ту сторону осознали одиночество своей ситуации. Это всегда делало цену честнее.

— Да, я действительно ошибся. 20 000 \$.

Цифры всегда сами выбирали хозяина. Она лишь называла сумму, которую город всё равно бы с него содрал — через неё или через кого-то менее аккуратного.

«Ладно».

Люди уступают не потому, что доверяют, — а потому, что боятся дрожать дальше. Телефон коротко вибрировал, подтверждая завершение сделки, но она даже не взглянула на экран.

Она лишь придвинулась ближе к мониторам, и её пальцы снова легли на клавиатуру.

— Призрак, — произнесла ровно, как ставят диагноз. — Посмотрим, насколько я сегодня Питер Венкман.

В голосе не было ни любопытства, ни азарта — только работа. Ещё одна транзакция в городе, где человеческие беды давно стали валютой.

Доступ к подпольной сети она открыла так же спокойно, как кто-то открывает холодильник. Пара команд — и туннель проглотил её запрос, скрывая маршруты и ломая следы. Экран потемнел, интерфейс огрубел — будто мир переключился на подземный режим дыхания. Здесь, под горо-

дом, жили не люди; здесь жили их тени.

Ронни ввела псевдоним: *Ghost*.

Система выдала первые отклики — чёрные хабы, закрытые форумы, диалоги без точек. Призрак был осторожен: следы виднелись, но каждый из них оставался лишь царапиной на льду — заметной, но совершенно бесполезной.

Она пошла глубже, продираясь сквозь закрытые узлы, зашифрованные дампы и архивы, которые давно должны были умереть. И там обнаружился всплеск: IP-след, маскированный так грубо, что эта грубость выглядела намеренной. Приманка.

— Нашёлся, — спокойно отметила она.

Она двинулась по следу. Не спешила и не замирала — шла так, как разбирают тело по слоям: линии к линиям, узлы к узлам. И в самом конце обнаружился вход. Не дверь, не сервер и не порт — барьеры.

Она попробовала обойти их сбоку — отказ. Попыталась разрезать на уровне пакетов — снова нет.

— Красиво, — выдохнула Ронни. Это была не похвала, а просто сухая констатация факта.

Код держал в себе чьё-то присутствие: чужой ум, чужой стиль. Это было слишком аккуратно и слишком опасно, чтобы оказаться автоматикой. Она придвинулась ближе, её пальцы легли на клавиши увереннее, и Ронни принялась вскрывать барьер — точно, холодно, без малейшей суеты.

Алгоритмы перепрошивались, потоки подменялись. Каж-

дый её шаг был хирургическим, а каждый ответный удар системы — упругим и раздражающе умным. Она не ускори-лась.

Она стала тоньше.

Первый слой поддался — плотный, собранный вручную, ей понадобилось секунд сорок, чтобы вскрыть его и сбить ключи. Слой рассыпался тихо и почти незаметно, будто сре-занная медицинская повязка.

Второй оказался хитрее: он менял структуру при каж-дом касании, ветвился и дублировал себя, отчаянно пытаясь запутать взломщика. Пришлось работать вслепую, чистить шум и хладнокровно отсекать лишние ветки, прокладывая путь к ядру.

Она работала молча — почти лениво, но безошибочно, пока третий слой не заставил её остановиться. Он был базо-вым, слишком простым, словно выданным из старого учеб-ника; глупая защитная сетка-шаблон, которую ставят лишь те, кто боится оставить пустое место. После первых двух ба-рьеров такая примитивность выглядела почти оскорбитель-но.

— Что за... — она наклонилась ближе.

Базовый код, стандартная схема — дыры размером с тон-нель. Она вошла в него так же легко, как в открытую дверь, и тут же почувствовала, что что-то цепляется. Процесс спот-кнулся; он не рухнул до конца, но пошёл не тем путём.

Она остановила работу мгновенно, проверила строку, ещё

одну — и нашла: один-единственный символ, стоящий не там, который не был ни ошибкой, ни случайностью, а при-манкой.

— Мило, — произнесла она холодно.

Это был барьер не для защиты, а для тех, кто слишком уверен в собственном превосходстве. Она переставила символ, сложила алгоритм заново и провела быстрый контроль.

Барьер открылся мгновенно — слишком быстро, будто он ждал именно её.

Ронни не замедлилась ни на долю секунды: сразу пошла внутрь и начала жадно выкачивать данные.

Информация о Призраке шла в её систему ровно, как вода через порванный шов: задачи, подтверждения, удалённые файлы. Переводы, дроблённые так аккуратно, будто деньги каждый раз проходили через чьи-то чужие, очень осторожные руки.

Она молча смотрела на график загрузки, пока последний файл не вспыхнул финальным зелёным.

Готово.

— Спасибо, чувак, — сказала она, закрывая туннель. — Хоть кто-то в этом городе упрощает мне работу.

Она отправила собранные данные заказчику так же просто, как закрывают ненужную вкладку. Короткая проверка, подтверждение транзакции — и заказ исчез из её жизни.

Никаких благодарностей. В этом мире молчание всегда было самой честной оплатой.

Ронни выдохнула — коротко, почти механически — и отпила глоток давно остывшего кофе; горечь на языке уже не чувствовалась.

Она снова ушла в сеть — просто по привычке, чтобы проверить точки доступа, пройти знакомыми тропами и лишний раз убедиться, что всё под контролем.

Старая защита встретила её послушно: те же узлы, те же швы, та же знакомая реакция на её вмешательство.

— Ну здравствуйте... — пробормотала она, когда нужный узел наконец раскрылся. Перед ней вспыхнуло то, что интересовало её гораздо сильнее любых заказов: банковский счёт.

Баланс рос каждый день, несмотря на то что она снимала с него миллионы — аккуратно и без следов. Она провела очередной перевод. Ровно столько, сколько требовалось. Ровно туда, куда нужно — на счёт, не связанный ни с одним из её настоящих имен.

Деньги в этом городе были всего лишь потоком, и она направляла его так, как ей нравилось.

Откинувшись в кресле, она вытянула спину, позволив себе секунду почти ленивого удовлетворения.

Негромкий звук уведомления разрезал воздух — там, где его быть не могло.

Сеть — оборвана.

Туннели — закрыты.

— Чего, блин... — прошептала она, резко разворачивая

кресло.

Монитор вспыхнул сам. Мёртвый чёрный экран ожил белой строчкой — голой, без интерфейса, без источника.

«Ну здравствуй, нарушитель границ»

Воздух стал плотнее. Капли из душевой исчезли, будто кто-то выкрутил громкость мира на ноль. Это был не сбой, не утечка и не остаточный процесс — это был кто-то, кто смотрел прямо на неё.

Белая строка на чёрном фоне не мигала и не обновлялась. Она просто висела — чужая, неподвижная, будто кто-то стоял у Ронни за спиной и всматривался в монитор вместе с ней. Это было похоже не на сообщение, а на чьё-то осязаемое присутствие.

Ронни медленно выдохнула. Не страх — раздражение, плотное и холодное, поднимающееся под рёбра. Он не просто вошёл. Он пробил защиту, которую она считала неприступной. Её личная крепость, её территория — и теперь этот кто-то был внутри.

Строка на экране дрогнула и вытекла новым текстом:

**« Пройти три уровня защиты так филигранно ?
Моё почтение . Но вот незадача — споткнуться в самом конце... »**

Ронни снова провела по клавиатуре, проверяя процессы. Пусто. Она открыла другой интерфейс — сетевые соединения. Пусто. Трассировка — ноль маршрутов, порты — чистые, логи — стерильные, будто их выскоблили до зеркаль-

ного блеска.

— Что за бред, — выдохнула она сквозь зубы.

Она прогнала ещё три диагностических инструмента — быстрые, отточенные, привычные. И в ответ получила ту же мёртвую ровность. Тишину. Такую безупречно чистой, что от неё начинало подташнивать. Злость поднялась под рёбрами — узкая, острая, как игла.

Она ударила по горячей клавише, отключая внешний адаптер. Разорвала канал. Отрубила локальный сервер. Перегрузила ядро. Отключила питание во всех сетевых блоках, оставив включённым только основной монитор.

Тот мигнул. Затух. И снова загорелся.

На экране проступили слова — медленно, как будто кто-то выводил их кистью:

«Пытаешься найти меня ? Или устранить ? »

Никакого окна, никакого источника — просто белые буквы на мёртвом чёрном фоне. Что-то в ней хрустнуло: тонко, как ломается кость под избыточным давлением. Пространство стало уже, воздух — гуще.

Он двигался на полшага впереди неё. Смотрел её глазами. Дышал её ритмом. Голос больше не принадлежал монитору — он осел где-то внутри, под самыми рёбрами.

Ярость медленно разогревалась, как металл. Взлом был безупречен. Он это знал — и его это явно забавляло.

Она устало выдохнула и чуть сдвинула плечи — как будто пыталась стряхнуть с себя чужие руки.

Открыла стандартный блокнот. Самый простой, тупой инструмент на её компьютере. Не чат, не терминал, не зашифрованный канал, а именно блокнот Windows, который она использовала только тогда, когда хотела исключить любые лишние процессы.

Чтобы понять, как он сюда попал, нужен диалог, а не монолог, — прокатилось в голове.

Файл даже не успел полностью открыться — по чистой странице сразу побежали буквы:

«Решил всё-таки со мной пообщаться?»

Она скривила губы. Он терпеливо наблюдал за каждым её движением, выжидая, пока она сама откроет окно, в которое он сможет войти. Её пальцы скользнули по клавиатуре, чеканя ответ:

«Ты сам это начал».

Пауза была короткой, но плотной. Новые строки появились мгновенно и уверенно, как плевок в лицо:

«Отставим приличия. Для кого тебе понадобилось собирать информацию о Призраке? Имя. Сейчас. Если не хочешь, чтобы я превратил твою жизнь в ад, парень».

Парень.

Она коротко, безрадостно хмыкнула. Интернет всегда был уверен: за серьёзным кодом всегда стоит мужчина. Самцы редко допускали мысль, что могут проиграть женским рукам.

Она не собиралась отвечать. Ни словом, ни намёком, ни

попыткой оправдаться. Он продолжил — как хищник, решивший, что жертва уже зажата в зубах:

«Молчишь? Ну да. Смелость заканчивается там, где кончается анонимность».

У неё дёрнулась скула. Он не понимал, с кем говорит — и это бесило сильнее самого взлома.

Она стёрла всё набранное и закрыла блокнот: резко, почти с презрением, будто захлопнула рот тому, кто заслуживал только пощёчину.

И в ту же секунду в ней что-то щёлкнуло.

Решение.

Она знала, что будет дальше. Двигалась быстро, без лишних жестов — как хирург, который уже понял, что орган не спасти и остаётся только резать.

Пальцы ударили по клавишам: внешний адаптер — отключен. Щелчок. Ещё один. Второй сетевой модуль погас.

Она выдернула кабель питания из хаба так резко, что пластик оставил глубокую царапину на корпусе. Потом — основной сетевой канал. Потом — резервный. Система сопротивлялась, выплевывая ошибки и словно цепляясь за жизнь, но Ронни не остановилась.

Питание локального сервера — вниз. Питание маршрутизатора — вниз. Дополнительная защита — отключена. Линии связи — обрублены, как нервы.

Монитор судорожно мигнул, будто пытался вдохнуть, но она уже тянулась к пучку проводов сзади. Один рывок — и

пластик хрустнул, как сломанное ребро. Любой другой попытался бы «починить», но восстанавливать смысла не было. Если сюда проник кто-то уровня Призрака — система уже мертва.

Её задача — добить.

Оставшийся монитор дрожал — так, будто чувствовал происходящее. На нём вспыхнула последняя строка: чужая, наглая, почти игривая.

«О, уже собираешься меня выбросить ? Нечестно, парень. Я только начал развлекаться».

Она вскользь глянула на экран — холодно, без эмоций. Убийству не нужны слова.

Она нажала кнопку питания. Держала, пока система не умерла окончательно — глухо, без надежды на перезапуск. Собственный пульс стал казаться слишком громким в наступившей тишине.

Компьютер был не выключен. Он был приговорён.

И она уже знала: завтра его не станет. Ни одного болта. Ни одного следа. Как не остаётся следов у тех, кто нарушает её границы.

Тишина, наступившая после этого, была не тишиной. Она была давлением. Словно кто-то приложил ладони к её ушам и начал медленно сжимать. Будто весь ангар понимал: сейчас лучше не дышать.

Ронни поднялась, взяла телефон, куртку, ключи. Выпрямилась и вышла — не торопясь, но с той собранностью, с

какой уходят из помещения, где оставили бомбу с таймером.

Берлога будто сжалась за её спиной, как животное, которое тоже понимало: в неё проник кто-то, кто не должен был войти.

Глава 2

Дверь городской квартиры открылась с мягким гидравлическим щелчком — звук, который стоил дороже, чем весь хлам в её берлоге. Коридор встретил ровным светом: стены цвета шампанского, глянцевый пол без единой царапины и зеркальная панель, считавшая её лицо и включившаяся автоматически. Тишина здесь была плотной, вакуумной, купленной вместе с квадратными метрами.

Она прошла мимо гостиной, выверенной до последнего сантиметра. Диван молочного цвета, тонкие металлические ножки, журналы на стеклянном столе, разложенные по линейке и ни разу не открытые. На стене — абстракция в золоте, под ней — два хрустальных бокала. Город за панорамным окном мерцал отражениями, заставляя квартиру светиться изнутри, как витрину.

На кухне металл и камень сливались в одну идеальную линию. Столешница, вылизанная до зеркального блеска, и чёрные матовые фасады, в которые техника была встроена намертво, становясь частью архитектуры. Ни крошки, ни пятна. Две открытые бутылки дорогого вина — нетронутые. В воздухе едва уловимо пахло белым жасмином и холодным железом.

В спальне стерильность становилась мягче, но не исчезала. Белые стены, ровные стопки пледов. На прикроватной

тумбе — только свеча и золотая заколка. На стуле у окна ждал макбук — закрытый, холодный, часть выставочной композиции. Квартира была настолько правильной, что казалась не жильём, а качественным рендером.

Она взяла ноутбук и вернулась к барной стойке из бесшовного белого камня. Достала бокал — прозрачный, почти невесомый. Налила вина и села на стул, обивка которого была светлее молока.

Роскошь вокруг стояла слишком ровно. Слишком дорого, слишком правильно — так, что начинало давить на виски.

Она поставила бокал на камень стойки и открыла макбук. Серебристая крышка поднялась плавно и беззвучно, но в этот момент ярость наконец прорезала грудь — ровная, ледяная, без всплесков. Это был не страх. Это было бешенство от самого факта: кто-то взломал её личный горизонт событий. Кто-то просочился туда, где она считала себя неприкасаемым богом.

Пальцы скользнули по тачпаду, разворачивая пустое окно проекта.

Никаких попыток вылечить старое. Никаких реконструкций или аккуратных латок. В её мире проще отрезать всё под корень и пришить новое, чем гадать, где именно осталась зараза.

Она сносила старые схемы быстро, механически — так хирург выбрасывает поражённую ткань, не глядя. Каждый файл, каждая таблица маршрутов и фрагмент кода отправля-

лись в корзину с той же холодной точностью, с какой в операционной сбрасывают инструменты в металлический лоток. Клавиши отщелкивали приговор: *delete, delete, delete*.

Новая архитектура поднялась из пустоты уже через минуту.

Новые маршруты. Свежие IP. Другие подписи, ключи и точки входа.

Это была новая логика защиты — глубже, злее, с двойным дном и каскадом ловушек, которые не прощали касаний. Ронни выстраивала систему не для того, чтобы спрятаться, а для того, чтобы сломать любому вошедшему хребет.

Вино на стойке согрелось, так и не дождавшись первого глотка. Макбук под ладонями дышал жаром — кулеры работали на пределе, выгоняя воздух, пропитанный электричеством. Мысли текли чётко, как алгоритмы, но под этой ровностью пульсировала одна неприятная правда: он не пытался её взломать. Он играл.

А такие, как он, не исчезают. Не замолкают. Не уходят по доброй воле.

Такие всегда возвращаются. Чтобы закончить партию.

Она открыла скрытую ветку сайта поставщика и оформила заказ, не глядя на чеки. Флагманские платы, серверный блок последней серии, внешние модули, которые обычно оседают на закрытых гособъектах. Цифры списания мелькнули и исчезли — мусор. Доставка на завтра, подтверждено.

Идеально.

Ронни строила новую крепость. Не для красоты и не для уюта. Она собирала капкан, который перебьёт кости любому, кто решит снова протянуть к ней руки.

К ночи кухня превратилась в натюрморт: застывшее время, белый камень и мягкий свет, стекающий по глянцевым фасадам. Но это тепло не грело — оно лишь подсвечивало пустоту. Тишина в этой безукоризненно дорогой коробке стала осязаемой, напоминая о том, что каждая вещь здесь стоит дороже, чем жизни большинства людей за окном.

Макбук вибрировал от напряжения, выплевывая жар. На экране разрасталась итоговая структура — многослойная, колючая, способная раздробить самолюбие любого, кто рискнет коснуться её границ. Код напоминал нервную систему зверя: переплетения узлов, фальшивые коридоры-тупики, петли и затаившиеся обратные удары.

Это не была защита. Это была месть, облеченная в синтаксис.

Короткая проверка — и строки сошлись. Маршруты замкнулись в идеальное кольцо. Новая система стояла монолитом: свежая, хищная, без единого шва, который можно было бы поддеть ногтем.

Она откинулась на спинку стула, позволяя плечам опасть. Закрыла макбук ладонью — медленно, с тяжелым удовлетворением хирурга, наложившего последний шов. Осторожно отодвинула металл в сторону.

Вино в бокале стало темным и тяжелым. Она крутанула стеклянный диск, наблюдая за маслянистой инерцией напитка, и одним глотком допила остаток. Алкоголь резанул горло, обжег нёбо терпкостью. Скула напряглась, лицо на мгновение превратилось в маску, но Ронни не шелохнулась.

Тонкое стекло звякнуло о мрамор стойки — звон получился болезненно чистым, слишком громким для этой застывшей ночи.

Крепость была достроена. Шлюзы закрыты.

Но ночь всё равно казалась неправильной. Слишком гладкой. Слишком тихой. Слишком... наблюдающей. Появилось липкое чувство, будто она возвела стены, но кто-то уже стоял внутри и просто ждал, когда она выключит свет.

***

К берлоге она вернулась около полудня. Ветер гонял по заброшенной промзоне пыль и мусор, но у входа в типографию уже ждала аккуратная, чужеродная этому хаосу геометрия — четыре коробки. Две массивные, одна средняя и узкий длинный кофр. Ронни отметила это без удивления: её поставщики знали, что доставка должна быть точной, как удар скальпеля, и такой же анонимной.

Она замерла на секунду, прикидывая вес. Затем молча взялась за самую тяжёлую коробку — мышцы спины напряглись, туго сыграв под кожей. Деревянный настил у входа жалобно скрипнул, будто протестуя против того, что в этот про-

мёрзший бетонный склеп снова пытаются вдохнуть жизнь.

Когда последняя коробка оказалась у стола, Ронни толкнула дверь ногой, запирая оба замка. Холод снаружи исчез, но внутри не стало теплее — воздух казался плотным, наэлектризованным, будто само здание замерло в ожидании вскрытия.

Короткий нож вошел в скотч. Пластик поддался с сухим, резким треском.

Одна за другой коробки раскрывались, словно стерильные лотки: новые платы, серверный модуль, блоки охлаждения, кабели. В черном поролоне всё лежало так аккуратно, что сходство с органами для пересадки стало почти пугающим.

Она раскладывала детали без суеты, с механической точностью человека, привыкшего работать в зоне поражения. Старый деревянный стол быстро скрылся под металлической мозаикой из разъемов и корпусов. Каждый шаг просчитан, каждая вещь — на своем месте.

Через пять минут берлога перестала быть мёртвой. Теперь она напоминала операционную за секунду до первого надреза — холодную, собранную, ждущую команды «начинаем».

Сборка ядра. Ронни выставила центральный блок на середину стола. Матовый металл, запах заводского пластика, девственно чистые ребра охлаждения. Корпус казался новым до наглости. Она провела пальцем по стыку панелей — не из эстетики, а ради проверки. Ни единого зазора.

Кабели легли в руки сами.

Силовой — вглубь корпуса, до сухого, короткого *тук*.

Оптоволокно — в серверный блок; гибкие, холодные жгуты, похожие на белесые нервы.

Тонкий шлейф управления — в разъем. Мягкий щелчок, словно игла вошла в вену.

Пальцы двигались раньше мыслей. Она не собирала компьютер — она сращивала позвонки существу, которое станет её щитом.

Последним встало охлаждение. Крепления защелкнулись идеально, будто были отлиты под её ладони. Когда она пода-ла питание, корпус дрогнул — едва заметная вибрация, как первый вдох новорожденного.

Старые мониторы смотрели на нее, как побитые псы, которым привели нового вожака. Трещина в углу, полоса битых пикселей, царапины на пластике. Они были продолжением её зрения. Ронни соединила их с новым «мозгом» и стянула провода в тугий ровный пучок. В её мире хаосу места не было.

Когда всё было готово, она опустилась в кресло и нажала кнопку питания.

Сухой щелчок. Плавный, нарастающий гул.

По столу прошла едва ощутимая вибрация, и мониторы ожили — сначала тускло, затем вспыхнули стабильным холодным светом. Ронни не теряла ни секунды. Новый компьютер дышал ровно, тихим и уверенным басом, как сердце зверя.

Ронни достала из кармана тонкую чёрную флешку. Без маркировок и корпуса — голый матовый пластик и металл разъёма. На ней хранилась её бессонная ночь: код, выбитый до дрожи в кистях, её новая стена и финальное предупреждение любому, кто решит постучать в дверь.

Флешка вошла в порт мягко, почти интимно. Мониторы мигнули, и на чёрном поле консоли развернулась программа установки. Система начала натягивать слои защиты, как живой организм — кожу после пересадки:

- первый барьер — маршруты;
- второй — маскировка;
- третий — ловушки на входе;
- четвёртый — зеркальные туннели;
- пятый — активная контрака.

Линии кода бежали быстро и ровно, как ритм ЭКГ. Каждая подпись сходилась, каждый слой ложился идеально. Швы затягивались плотно, словно их стягивали хирургическими скобами.

Через двадцать минут новая защита встала монолитом. Ронни почувствовала это физически: воздух в ангаре будто загустел, налился тяжестью, обретая едва заметную вязкость.

Она запустила утилиту полной очистки. Нажала «wipe» и смотрела, как прогресс-бар медленно заливается алым, стирая данные до нулевого массива. Память флешки превращалась в выжженную пустыню.

Только после этого она извлекла её. Пару секунд держала

между пальцами, как скальпель, завершивший операцию.

Выдох получился долгим — впервые за сутки не судорожным, а почти с удовольствием. Стол наконец выглядел правильно: безупречная геометрия кабелей, ровный гул нового блока и мониторы без ядовитых следов чужого присутствия. Возвращённый порядок. Контроль, который снова принадлежал ей.

Ронни обвела рабочее место взглядом — медленно, как художник, проверяющий финальный мазок. Ни одной незакрытой панели. Ни одного лишнего процесса. Ни одной тени, кроме тех, что принадлежали технике и ей самой.

— Вот так, — шепнула она пустоте.

Она опустила в кресло, коснувшись клавиатуры. Новый металл был холодным и гладким, ещё не знающим жара многочасовых сессий, но он уже подчинялся ей.

Консоль открылась мгновенно. Курсор замер в ожидании — короткая белая полоска, пульсирующая в ритме её дыхания. Ронни ввела имя, которое в сети весило больше, чем любая валюта:

Anonymous

Система приняла её без сопротивления. Интерфейс раскрылся плавно, признавая хозяйку в каждой строке кода.

Её мир. Её территория. Её правила.

Ронни чуть откинулась назад, позволяя уголку губ подняться в мимолётной, почти незаметной улыбке.

Удовлетворённая тем, как ровно встал «зверь», Ронни поднялась из кресла и потянулась. Позвоночник хрустнул — коротко, сухо, словно даже тело подтвердило: работа сделана идеально.

Она ушла в кухонную зону.

Гул кофемашины разлился по пустому залу — низкий, ровный фон для её тишины. Густой аромат тёмной обжарки начал заполнять пространство — медленно, вязко, вытесняя запах металла и пыли. Это был единственный настоящий уют, который она позволяла себе в этом склепе.

Телефон завибрировал резко, настырно.

Кэсси.

Ронни выдохнула и провела по экрану.

— Рон? Ты дома? — голос подруги был резким, нервным, срывающимся. — Ты не поверишь... у меня отец опять бежит как раненый бык! Кто-то влез в систему и вытащил у него документы!! Снова!

Уголок её губ слегка приподнялся. Сдержанно. Холодно. Без тени тепла.

— Ужас, — ровно произнесла она, наблюдая, как кофе доходит до краев чашки. — Он в порядке?

— Ты шутишь? Он готов лично сесть за ноутбук и начать охоту! Представляешь? Мой отец! Человек, который с трудом вспоминает пароль от почты!!

— Звучит... амбициозно.

— И знаешь что самое смешное? Ему сказали, что это ка-

кой-то «Анимус». Или «Аноним». Господи, звучит как ник подростка из форума, а отец ведёт себя так, будто это международный террорист...

Ронни слушала, глядя в чёрную гладь кофе. Там отражалось её лицо — неподвижное, собранное, абсолютно стерильное.

И вдруг раздался писк, короткий и высокий, — звук шел не от телефона, а от компьютера.

Ронни вздрогнула так, что горячий кофе плеснул на запястье.

— Ай, чёрт...

— Ронни?! Что случилось?! — Кэсси засыпала трубку испуганными вопросами.

— Всё нормально. Кэсс, я перезвоню. Ладно? — Голос Ронни стал сухим и плоским, как лист металла.

Она сбросила вызов, не дожидаясь ответа, и медленно повернулась к столу. Кофе медленно стекал по руке, пачкая пол, но она не чувствовала ожога. Всё её внимание было приковано к центральному монитору.

Консоль исчезла. Экран залила мертвая, густая чернота. И на ней — белым, ровным, издевательски спокойным шрифтом:

«Выкинуть всё ? Изобретательно».

Экран не мигал. Не обновлялся. Он просто смотрел на неё в ответ.

По коже пробежал ледяной ток. Она только что выстрои-

ла защиту, лично проверила каждый шов, каждую строчку. Невозможно. Никто не мог пройти через этот каскад за секунды.

Ронни поставила чашку на край стола, не глядя. Схватила салфетку, на секунду прижала её к обожжённому запястью — короткая вспышка боли, чтобы окончательно протрезветь — и уже через пару ударов сердца сидела перед монитором.

Чёрный фон не исчез. Строка не изменилась. Сообщение висело в пустоте, как приговор её профессионализму.

Ронни открыла окно терминала. Пальцы дрогнули — едва заметно, на грани восприятия. Но уже в следующее мгновение они ударили по клавишам, возвращая ей привычный ритм:

«Я думал, тараканов вывести сложно. Но ты явно мог бы дать им пару уроков».

Ответ вылетел мгновенно:

«А ты мог бы дать пару уроков драматичности. Выкинуть целую систему — так стараются только те, кто паникует».

У неё под рёбрами кольнуло — не страх, а едкое раздражение, липкое ощущение чужого взгляда на затылке. Лицо Ронни стало пустым, стертым:

«Что ты хочешь?»

«Имя. Я всё равно его узнаю. В твоих интересах назвать его сейчас. Иначе я начну копать под тебя».

Внутри что-то щёлкнуло — как электрический разряд. Взгляд стал жёстче, сфокусировавшись на мерцающих стро-

ках:

«А потом найдёшь и убьёшь?»

Пауза длилась долю секунды. Вечность по меркам оптоволокна.

«Я превращу твою жизнь в ад».

Ронни рассмеялась вслух — звонко, неожиданно, почти облегчённо. Звук отразился от холодных стен заброшенной типографии.

— Удачи, чувак. Но тебе придётся стать в очередь.

Пальцы снова забарабанили по клавиатуре:

«Чему быть — того не миновать. Что ж, приятных поисков. К сожалению, у меня есть дела. Развлекайся».

Ронни ударила по кнопке питания.

Экран умер мгновенно, оборвав издевательский диалог на полуслове.

Тишина рухнула на ангар жёстко, как бетонная плита. Ни гула вентиляторов, ни писка процессора. Только её собственное сбивчивое дыхание и запах остывающего кофе.

Она закрыла глаза и сделала глубокий вдох. Выдох. Потом ещё раз, заставляя пульс замедлиться.

— Ну и день... — прошептала она в темноту.

На запястье всё ещё горел ожог, напоминая: виртуальный ад стал осязаемым. Она не победила. Она просто заперла дверь в комнату, где уже сидел вор.

Ронни допила холодный, ставший горьким кофе, поморщилась и бросила взгляд на пятно на футболке. Короткий,

досадливый щелчок языком.

Она быстро сменила одежду. Холодная ткань полотенца царапнула кожу, стирая остатки липкого кофе. Сухая майка, куртка поверх — привычная тяжесть кожи и кевлара вернула ощущение собранности.

У двери она остановилась и замерла, прислушиваясь. Берлога казалась тихой — слишком тихой. Бросив последний взгляд на мёртвые мониторы, она вышла, и замок щёлкнул: чисто, финально.

Холод снаружи оказался честнее, чем тишина внутри. Берлога осталась за спиной — тёмная, глухая. И впервые за долгое время это не означало безопасность.

Ронни подняла воротник, сунула руки в карманы и зашагала к байку. Ей нужно было движение. Ей нужно было пространство, в котором невозможно спрятать строку кода.

Глава 3

Двигатель отозвался резким, злым рывком, и байк сорвался с места. Сырые здания замелькали по сторонам рваным кадром: заброшенные склады, облупленный кирпич, слепые глазницы выбитых окон и тени людей, застывших в арках, словно плесень. Этот район не был мёртв — он просто терпел.

Днём всё становилось честнее: трещины больше не прятались в глубоких тенях, а грязь не пыталась маскироваться под ночную романтику. Город не смягчался с рассветом. Он просто снимал макияж, обнажая воспалённые поры и старые шрамы.

Ближе к центру пространство начало сужаться, зажимая её в тиски. Уличные торговцы раскладывали товар с обречённостью жрецов, выполняющих ежедневный ритуал выживания. Подростки на бордюрах провожали байк тяжёлыми взглядами — не из любопытства, а по привычке зверей, знающих: всё, что движется быстрее тебя, — потенциальная угроза. Машины лениво тянулись в пробках, создавая в этом хаосе свою логику, похожую на кровоток старого, больного организма.

Неон погас, и выгоревшие на солнце вывески теперь выглядели жалкими, уставшими раньше самих людей. Дневной свет не приносил тепла. Он просто заставлял Город смотреть

прямо в упор. Без теней. Без оправданий. Без шанса отвернуться.

Больница возникла на горизонте серым бетонным монолитом. Здание давно молило о капитальном ремонте, но вместо этого его лишь латали, нанося новые слои дешевой краски поверх глубоких, как морщины, трещин. Белая вывеска слепила на солнце, выжигая сетчатку, но не казалась от этого приветливой. Плитка на фасаде крошилась, держась на честном слове, а стеклянные двери помутнели от тысяч ладоней, искавших за ними спасения.

У входа застыла липкая человеческая взвесь: медбратья, жадно затягивающиеся сигаретами на перерыве; женщина в домашней куртке, сжимающая телефон так, будто от него зависел ритм чьего-то сердца; мужчина с пакетом лекарств, чей взгляд врос в серый асфальт.

Ронни заглушила двигатель. Глухой рокот мотора утонул в нервном гуле больницы — суетливом, вязком, пропитанном запахом хлора и застарелой безнадёги.

Она сняла шлем, позволяя горячему ветру коснуться лица, и сделала первый вдох. Воздух здесь был другим — медицинским, стерильно-тяжёлым, будто каждая молекула кислорода была предварительно взвешена и пропитана чужим страхом.

Ронни шагнула к дверям. Дневной город остался за спиной — яркий, шумный, но в сравнении с этим местом почти милосердный.

Стоило Ронни толкнуть двери, как здание ударило её наотмашь. Без предупреждения, без пощады.

Запах был первым. Тяжёлый, удушающий коктейль: словно кто-то вылил на пол ведро хлорки, накрыл горой использованных простыней и оставил гнить в тени. Резкий антисептик не стерилизовал воздух, а лишь смешивался с вонью пота, желудочной кислоты и дешёвой химии, превращаясь в липкую, осязаемую массу. Ронни сделала вдох — и в глазах на мгновение потемнело. Собственный организм пытался уйти в защитный обморок, лишь бы не впускать в себя этот яд.

Белизна стен была фальшивой — лишь слои извести, сквозь которые, как трупные пятна, проступали следы былых катастроф и ежедневного убожества. Жёсткое освещение довершало пытку: лампы не светили, они вели допрос, ослепляя и выставляя напоказ каждую трещину в бетоне.

Коридор жил своей собственной, отталкивающей жизнью. Мимо прошли двое в халатах, не достаивая взглядом ни её, ни кого-либо ещё в коридоре. Один лениво скроллил ленту в телефоне, другой цедил слова сквозь зубы, словно нехотя:

— Опять этот фонд тянет с переводами. Задолбали.

— Да брось, — отозвался второй, не отрываясь от экрана. — Половина этих «нищих» паркует у входа тачки дороже моей квартиры. Хотят оперироваться вовремя — пускай платят вовремя. Сами виноваты.

Их голоса были ровными, лишёнными всякой окраски — сухие, выветренные до состояния пыли. В этом месте никто не тратил силы на соперничество. Здесь просто работали.

Чужие жизни здесь измерялись в часах смены, а чужие смерти проходили по ведомости как технические издержки. Врачи не были жестокими — они были отлаженными механизмами в системе, которая переваривала плоть в цифры.

Ронни двинулась вглубь коридора. Каждый шаг гулким эхом отдавался в висках, резонируя с пульсирующей болью. Пол был липким, грязным; подошвы ботинок прилипали к нему с противным чавкающим звуком, будто само здание пустило корни и теперь пыталось удержать каждого, кто имел неосторожность сюда войти.

Дежурная медсестра за стойкой провожала прохожих взглядом мёртвой рыбы — стеклянным и абсолютно бессмысленным. Искры жизни возвращались в её глаза лишь тогда, когда в воздухе звучало слово «оплата». В этот момент зрачки сужались, фиксируя цель.

Ронни начала подъем по лестнице. Ступени были скользкими, вытертыми до опасного блеска миллионами подошв. Краска на перилах давно облезла, обнажив холодное, шершавое железо, которое неприятно холодило ладонь. Шаги отдавались в пустом пролете слишком отчетливо — резкий, чужой звук, нарушающий кладбищенский покой этажа.

С каждым пролётом Ронни ощущала это всё острее: больница не лечит. Она — огромный желудок, который методич-

но переваривает отчаяние в чеки. Это место не возвращало людей к жизни. Оно просто высасывало их досуха, как и сам Город за окном.

На третьем этаже воздух стал плотным, почти осязаемым. Смесь озона, лекарств и человеческого угасания забивала легкие; хотелось выдохнуть и больше никогда не делать вдох. Здесь даже стены звучали иначе — приглушенно, вязко, будто бетон за десятилетия впитал в себя столько слоев чужого отчаяния, что сам стал источником боли. Тишина на этом этаже не успокаивала. Она душила.

Ронни подошла к палате бесшумно, почти не дыша, боясь потревожить и без того отравленный воздух.

Она замерла, скользнув взглядом в узкую амбразуру стеклянного окна.

Женщина в палате казалась почти прозрачной, словно время и болезнь методично вымывали из неё краски, оставляя лишь бледный контур. Она лежала среди нагромождения аппаратуры, неподвижная и тихая. Грудная клетка едва заметно вздымалась — но это не был вдох, это была сухая механика поршней, имитирующая жизнь. Мониторы отсчитывали секунды тонким, монотонным писком, похожим на звук воды, капающей из неисправного крана в пустом доме.

Рядом на краю стула сжалась девочка. Её пальцы побелели, вцепившись в пластик, а взгляд был выжжен бессонницей до пустоты. Она что-то шептала матери — одними губами, без тени надежды на ответ, но с той отчаянной верой, с

какой бросают письма в море.

— Могу чем-то помочь? — голос раздался справа, сухой и неожиданный.

Ронни вздрогнула, резко оборачиваясь. Возле неё стоял врач. Его белый халат казался неестественно чистым, почти сияющим на фоне засаленных стен этажа. Лицо было застывшей маской — лицо человека, который так долго смотрел в бездну чужих бед, что научился видеть сквозь них.

— Здравствуйте. Как она? — Голос Ронни прозвучал ровно, механически. Сработал инстинкт самосохранения.

— Состояние критически стабильное, — бросил он с той же интонацией, с какой дикторы сообщают прогноз погоды. — Нужна ещё одна операция.

Он выдержал профессиональную паузу, прощупывая её взглядом.

— И, как вы понимаете... это будет стоить немало.

Ронни едва заметно кивнула. Эта фраза была привычным паролем в их странном обмене. Цифры её больше не задевали.

— Да. Конечно. Выставьте счет. Я отправлю средства в течение часа.

Врач удовлетворённо приподнял подбородок. В этом жесте было что-то инстинктивное — так вышколенный пес ведёт носом, услышав команду «к ноге».

— В таком случае начнем подготовку немедленно, — заключил он, мельком мазнув взглядом по стеклу палаты. —

Хотите войти? Навестить?

Ронни отшатнулась, словно дверь внезапно стала раскалённой добела.

— Нет, — выдохнула она слишком быстро. — Предпочитаю оставаться в тени.

На губах врача промелькнула бледная, усталая тень улыбки — тот самый выморочный цинизм, который в этом Городе служил единственной валютой, заменявшей сострадание.

— Как и многие здесь, — сказал он, не осуждая. Просто констатируя факт. — Что ж, удачи. Реквизиты придут вам до конца дня.

Он развернулся и ушел, оставив её один на один с тишиной, её собственной тенью и липким страхом, который больше не за что было прятать.

Ронни стояла неподвижно — слишком долго для случайного прохожего. Она смотрела в стекло, а стекло, мутное и холодное, отражало её собственное окаменевшее лицо. Женщина в палате окончательно слилась с окружением: провода и трубки казались продолжением её вен, а монотонный писк монитора — единственной формой её речи. Грудная клетка едва заметно вздрагивала; это движение было настолько призрачным, что больше походило на оптический обман, чем на жизнь. Девочка рядом — комок из острых локтей и хрупких плеч — лихорадочно протирала тумбочку, словно этот бессмысленный ритм удерживал стены палаты от обрушения.

Ронни чувствовала, как внутри, под самыми рёбрами, что-

то болезненно выгибается и лопается. В горле встал ком — не из страха, а из ядовитой смеси бессилия и ледяной ярости. Здесь, в коридоре, пропахшем хлором и медленным увяданием, она внезапно стала слишком настоящей. Слишком живой. Она попыталась сглотнуть, но горло словно сжали стальные пальцы. Одна-единственная слеза прочертила след — предательски горячая, обжигающая, полная того невысказанного ада, который она годами запирала на все замки.

Кулаки сжались до белых костяшек, ногти до крови впились в ладони. Боль помогла. Ронни задержала дыхание, заставляя себя вернуться в привычную холодную пустоту. Вдох — медленный, глубокий, почти ритуальный. Она мысленно возводила барьеры, слой за слоем, как выстраивала защитные каскады в сети. Плечи расправились, взгляд стал сухим и жёстким. Она снова превратилась в функцию. В анонимный кошелёк, чей единственный смысл — оплачивать это бесконечное пиканье мониторов.

Только когда броня окончательно застыла, она отвела взгляд. Коридор тут же вернул себе привычное убожество: мертвенный свет ламп, облезлые таблички и запах дешёвой чистоты. Магия момента исчезла. Женщина снова стала «клиническим случаем», девочка — «сопутствующим фактором», а их общая трагедия — просто сухой колонкой цифр в её завтрашнем отчёте.

Ронни выпрямилась, возвращая себе привычную осанку — жёсткую, почти военную. Первый шаг — уверенный, су-

хой, отсекающий всё лишнее. Когда дистанция между ней и дверью палаты увеличилась до пары метров, внутри что-то тихо, финально щёлкнуло. Словно сработал замок сейфа, запирающий то, чему не место в этом мире. Она развернулась и пошла прочь.

Каблуки вбивали ритм в липкий линолеум, эхо отдавалось от стен гулким, пустым стуком. Она двигалась почти на автопилоте, ведомая лишь одним желанием — выбраться, вынырнуть на поверхность раньше, чем этот воздух окончательно пропитает её кожу. Над головой, захлёбываясь, мигали флуоресцентные лампы, бросая под ноги мертвенно-бледные пятна.

Мысли уже выстраивали маршрут к байку, подальше от металлического привкуса страха и въедливого хлора. Она почти сумела убедить себя, что эта сцена осталась позади, запёртая в стерильном ящике её памяти.

— Эй... подождите!

Девичий голос прозвучал слишком звонко, чересчур живо для этой стерильной гробницы. Ронни замерла. Она зажмурилась на секунду и шумно выдохнула, словно перед прыжком в ледяную воду. Оборачиваться не хотелось. Нельзя было смотреть назад. Но она заставила себя — резко, болезненно, будто рвала присохший к ране пластырь.

Перед ней стояла та самая девочка. Огромные глаза, выжженные бессонницей, покраснели, а на щеках виднелись дорожки от слёз, которые она растирала ладонями до раз-

дражения кожи.

— Доктор Хартман сказал... сказал, что маму будут оперировать! — выпалила она, запинаясь от захлестнувшего её волнения. — И я... я вижу вас здесь уже не первый раз. Это ведь вы, да? Тот самый ангел-хранитель, который нам помогает?

«Ангел-хранитель».

Слово ударило под дых, точно в синяк. Ронни медленно опустилась на корточки, чтобы их глаза оказались на одном уровне. Это движение далось ей с трудом — слишком честно, слишком интимно для человека, который привык прятаться за строками кода.

— Я совсем не ангел, солнышко, — голос Ронни вышел мягким, но сухим, потрескавшимся по краям. — Просто... я хорошо знала твою маму. И не могла иначе.

И слишком сильно её любила, — пронеслось в голове, но застряло в горле комом. Некоторые слова — смертельные. Их нельзя выпускать в больничные коридоры, иначе они отравят здесь всё окончательно.

— Спасибо вам, — прошептала девочка.

А затем она шагнула вперёд и отчаянно, по-детски крепко обняла её. Прижалась всем телом, будто Ронни была единственным твёрдым предметом в этом зыбком океане хлора и безнадёги. У Ронни перехватило дыхание. Внутри, где-то за слоями кода и брони, что-то попробовало вздохнуть — впервые за долгие годы.

Она не смогла поднять руки в ответ. Пальцы одеревенели. Она просто замерла, боясь, что от малейшего движения этот хрупкий момент рассыплется в пыль.

— Спасибо... — повторила девочка, отстранилась и почти бегом бросилась обратно к палате, словно боялась оставить мать одну даже на лишний удар сердца.

Когда дверь закрылась, Ронни наконец позволила себе выдохнуть. Тихо. Почти неслышно.

— Не за что, сестрёнка... — едва слышно прошептала она пустоте, глядя не на дверь, а сквозь неё — на ту женщину за стеклом.

Глава 4

Ронни вывалилась на улицу резко, словно больница сама выплюнула её, не пожелав переваривать. Холодный дневной воздух ударил в лицо плотной, шершавой стеной. Она замерла, жадно втягивая его ноздрями, пытаясь вымыть из лёгких липкий налёт хлорки, плесени и металлическое послевкусие чужой боли. Уличные запахи были грубыми, пыльными, едкими, но они были — живыми. Разогретый асфальт, пережаренное масло из закусовых, вонючий выхлоп старых движков — всё это казалось честнее и чище той стерильной гнили, что осталась за спиной.

Она сделала ещё один вдох, на этот раз — до боли в груди. Казалось, больничный воздух вцепился в её рёбра изнутри, и его нужно было выталкивать силой, как яд. Горло саднило, а по коже всё ещё бежала мелкая, противная дрожь — эхо той палаты, того взгляда через стекло. Даже её собственная тень на асфальте казалась надломленной, словно тоже пыталась отряхнуть с себя этот запах смерти, упакованной в пластик.

Ронни медленно пересекла парковку, чувствуя, как с каждым шагом контроль над телом возвращается, вытесняя оцепенение. Резкий солнечный свет бил в глаза, словно пощёчина, возвращающая в реальность. Мир снова обретал форму — не белую и плоскую, а привычно грязную, угловатую, настоящую. Она дошла до байка и положила ладони на

руль. Под пальцами отозвался прогретый металл. Шум улицы, равнодушный и громкий, стал её лучшей защитой. Этот Город никогда не делал вида, что заботится, — и именно за это она его сейчас любила.

Телефон вздрогнул в ладони еще до того, как она успела потянуться за шлемом. Просто системное уведомление, короткий импульс, напомнивший, что этот кусок пластика и кремния сейчас куда живее, чем она сама. Ронни взглянула на дисплей: на черном стекле не было ничего, кроме её собственного отражения — бледного, с тенями под глазами, которые не смог бы скрыть ни один фильтр. Именно эта пустота, глядящая на неё в упор, вдруг стала невыносимой.

Ей нужно было за что-то зацепиться. Вынырнуть.

Она открыла контакты и замерла на имени Кэсси. Это была её единственная связь с миром, где не существовало крови, программного кода, запаха озона и бесконечного писка больничных мониторов. Несколько секунд Ронни просто смотрела на буквы, чувствуя, как ледяная корка внутри медленно, с болезненным скрипом начинает подтаивать.

Нарушив собственное правило «быть в тени», она нажала на вызов.

— Алло? — Кэсси сорвалась на крик почти мгновенно, будто всё это время гипнотизировала экран. — Рон?! Ты сама мне звонишь? Господи, у меня сейчас случится инфаркт, клянусь!

— Да-да, успокойся, — Ронни шумно выдохнула, при-

слонившись бедром к байку. Тепло металла через джинсы немного успокаивало. — Я собиралась набрать. Просто... возник один напряг.

— Напряг? — подозрительность в голосе Кэсси можно было резать ножом. — Ты так заорала, будто тебе в горло вцепился маньяк. Что там у тебя случилось?

Ронни на секунду зажмурилась. Ложь всплыла в голове сама собой — привычная, обкатанная, стерильная.

— Курьер, — бросила она, стараясь, чтобы голос звучал максимально буднично. — Постучал в дверь так, будто собирался вынести её вместе с косяком. Я спросонья дернулась, вот и всё.

— Ронни... — Кэсси вздохнула, и в её интонациях раздражение смешалось с мягкой заботой. — Я серьезно подумала, что ты грохнулась в обморок или еще что. Ты меня до смерти напугала.

— Прости. Не хотела.

Между ними повисла пауза — тяжелая, настоящая, одна из тех, что обнажают трещины в отношениях. Кэсси сдалась первой.

— Ладно. Где ты сейчас?

Ронни перевела взгляд на серую громаду за спиной.

— У больницы. То есть... уже уезжаю.

— У больницы? — тон Кэсси снова стал тревожным. — С тобой всё в порядке?

— Всё нормально, — отрезала Ронни слишком быстро. —

Просто дела.

Подруга, к счастью, не стала копать глубже — она знала, где проходят границы, за которыми Ронни превращается в ледяную стену. Вместо этого она включила свой привычный режим «ураган»:

— Знаешь что? Тебе нужно встряхнуться. Немедленно. Я сейчас в центре, занимаюсь шопинг-терапией — покупаю платье, которое мне совершенно не нужно, но которое я обязана иметь. Приезжай. Живо.

Ронни прикрыла глаза, представляя этот ад: толпы людей, навязчивый бит из колонок, слепящий свет витрин и бесконечные очереди в примерочные. Этот шум выматывал её сильнее, чем дешифровка многоуровневого протокола.

— Кэсс... — начала она, уже заранее сдаваясь.

— Возражения не принимаются! — перебила та. — Ты звучишь так, будто готова рухнуть лицом в асфальт. Я куплю тебе самый крепкий кофе и заставлю примерить что-нибудь такое, от чего тебя перекосит. Будет весело!

Ронни не выдержала и усмехнулась. Кэсси была единственным человеком, чьему давлению она позволяла себя ломать.

— Ладно, — прошептала она. — Подъеду.

— Вот и умница. Жду у входа в «СкайМаркет». И Рон? Не вздумай свернуть в переулок и исчезнуть. Я тебя из-под земли достану.

Ронни закатила глаза, но уголок губ предательски дрог-

нул.

— Даже не сомневаюсь.

Ронни завершила звонок и натянула шлем. Двигатель отозвался резким, злым рывком, возвращая её в реальность. Она рванула с места, оставляя больницу позади — серый бетонный склеп, липкое послевкусие которого всё ещё преследовало её, как запах гари.

Постепенно дорога начала меняться. Асфальт становился ровнее, дома — выше и наглее. Здесь улицы уже не напоминали открытые раны; здесь Город накладывал плотный слой грима, пытаясь казаться цивилизованным. Серые коробки окраин сменились стеклянными фасадами, которые отражали солнце так яростно, что приходилось щуриться. Это была другая вселенная: женщины в пастельных пальто и мужчины в костюмах, чьи наручные часы стоили больше, чем её байк и жизнь его владельца. Даже воздух здесь ощущался иначе — стерильный, пропущенный через мощные фильтры кондиционеров. Но под этой полированной маской Ронни всё равно чуяла знакомую гниль. Просто здесь она пахла не помойкой, а дорогим парфюмом и старыми деньгами.

Проезжая мимо летних веранд ресторанов, она кожей чувствовала на себе взгляды — быстрые, настороженные, колючие. Так смотрят на открытый огонь: и страшно, и глаз не отвести. Зеркальный визор её шлема отражал десятки лиц, стертых в одну безликую массу. Анонимность была её второй кожей, и в этом районе она защищала лучше любого бро-

нежилета.

На светофоре рядом притёрся кабриолет. Из колонок бил тяжёлый, дорогой бит, а девушка на пассажирском сиденье самозабвенно красила губы, не достаивая мир вокруг даже мимолётным взором. Ронни отметила её безмятежность — хрупкую, как хрусталь, который страшно задеть. В этом квартале люди могли позволить себе роскошь не знать о том, что дышит в подворотнях на другом конце города. Деньги возвели здесь иллюзию абсолютной безопасности, и местные охотно принимали её за реальность.

Дорога расширилась, фасады стали ослепительно белыми. Огромные особняки стояли плечом к плечу, словно элитная гвардия, охраняющая свою крепость. Ронни проносила мимо грязи, искусно спрятанной под идеально подстриженными газонами. Тишина здесь была иной: не пугающей, как у больницы, и не звенящей, как в трущобах. Это была тяжёлая, купленная тишина, которая требовала уважения и не прощала ошибок.

Через несколько минут впереди вырос торговый центр — многоэтажный стеклянный улей, обвешанный баннерами брендов, чей логотип стоил дороже годовой аренды квартиры. Перед входом кипела жизнь: люди смеялись, позировали для селфи и болтали о пустяках с такой страстью, будто участвовали в бесконечном светском спектакле.

Ронни заглушила двигатель. Гул мотора смолк, и в наступившей тишине она впервые почувствовала, как запах боль-

ницы отступает, не выдержав натиска искусственных ароматов дорогой парфюмерии, доносившихся из дверей.

Стоило ей войти внутрь, как её накрыло волной тщательно выпестованного благополучия. Кондиционированный воздух был идеально откалиброван — в меру холодный, пропитанный нотами свежемолотой арабики и новой кожи. Здесь царил культ потребления, где коллекции менялись каждые две недели, чтобы никто не смел чувствовать себя богатым слишком долго. Полы были отполированы до состояния зеркала, в котором дробились огни и подошвы прохожих, а мягкий, льющийся отовсюду свет создавал иллюзию стерильности. Но это была не больничная чистота, а демонстративная, как в музее дорогих игрушек.

Люди вокруг двигались плавно, почти грациозно, будто каждое их движение было заранее отрепетировано перед зеркалами бутиков. В этом мире не было места сутулым плечам или взглядам в пол.

Кэсси материализовалась в толпе почти мгновенно — высокая, яркая, вооружённая той самой ослепительной улыбкой, которая в этом фальшивом Городе всегда казалась Ронни опасным избытком искренности. Она замерла у витрины, обвешанная пакетами, как трофеями после удачной охоты.

На ней не было ни одной лишней детали: строгие брюки, невесомая блузка и макияж настолько безупречный, что он казался частью её ДНК, а не результатом усилий перед зеркалом. Весь её облик был выверенным, глянцевым, трансли-

рующим успех в каждом жесте.

Увидев Ронни, она энергично замахала рукой и, не дожидаясь приглашения, буквально вломилась в её личное пространство. Кэсси обхватила её свободной рукой — легко, порывисто, с тем привычным теплом, которое всегда заставляло Ронни непроизвольно расслаблять плечи.

— Ну наконец-то! — Кэсси выдохнула это так драматично, будто ждала на перроне последний поезд. — Я уже мысленно похоронила нашу встречу. Была уверена, что ты снова пропадёшь на своей работе на сутки, а потом пришлешь сухое «была занята».

Ронни заставила себя приподнять уголок губ. Это была едва уловимая попытка улыбнуться — почти искренняя, но всё ещё скованная недавним холодом больничных коридоров.

— Ну... как видишь, я здесь, — тихо отозвалась она, стараясь, чтобы голос не звучал слишком надтреснуто.

Кэсси засияла ещё ярче, и это её внутреннее солнце, казалось, могло затмить все софиты торгового центра. Для неё этот приезд Ронни был не просто встречей, а настоящим триумфом жизни над работой. Затем отстранилась на шаг и окинула подругу своим фирменным сканирующим взглядом — быстрым, беспощадным, профессионально-оценочным. Её нос тут же брезгливо сморщился.

— Рон, ну что это опять на тебе? — Она ткнула пальцем в потертую кожу куртки, затем в грубую ткань джинсов. — Ты выглядишь так, будто пробиралась сюда через пустыню

после налета на банк. Или как будто спала в подворотне.

Ронни безразлично пожала плечами.

— Я и пробиралась. Не через пустыню, конечно, но на байке через весь город.

Кэсси закатила глаза с таким мастерством, что это граничило с драматическим искусством.

— «На байке», — передразнила она, выплюнув слова так, словно Ронни призналась, что приехала на телеге, запряженной крысами. — Ты в курсе, что нормальные люди, — она выразительно ткнула пальцем в сверкающий пол, — давно пересели на машины? С климат-контролем, мягкой кожей и воздухом, который не отдает гарью и дешевым бензином!

— На машине я бы стояла в пробке дольше, чем длится моя жизнь, — хмыкнула Ронни.

— Прекрати! — Кэсси решительно перехватила её под локоть, увлекая к эскалатору. — В нашем кругу люди не ездят на мотоциклах. Они их коллекционируют как антиквариат. Выставляют в стеклянных боксах с подсветкой, пьют рядом виски и хвастаются перед гостями. Но никто, Ронни, слышишь? Никто не гоняет на них, как член уличной банды.

— А я не коллекционирую. Я езжу, — Ронни позволила себе едва заметную усмешку.

Кэсси издала тяжкий вздох, словно вся тяжесть мира легла ей на плечи.

— Господи, дай мне сил дожить до конца этого дня.

Но тут же она смягчилась, и в её голосе прорезалась на-

стоящая теплота:

— В следующий раз я лично запихну тебя в автосалон. И мы выберем машину. Красивую, быструю, подходящую тебе по статусу. Это не обсуждается.

Ронни покачала головой, но внутри внезапно стало тихо и уютно. Это было то редкое ощущение дома, которое она находила только рядом с этим стихийным бедствием по имени Кэсси.

— Посмотрим, — ответила она, прекрасно зная, что в её словаре это означает «никогда».

Кэсси, однако, просияла так, будто сделка уже закрыта, и потащила её вглубь торгового рая — туда, где витрины предлагали тысячи способов стать счастливее за очень большие деньги.

Бутик встретил их оглушительным блеском: стеклянные витрины без единого отпечатка, безликие манекены в застывших позах и мягкий, театральный свет, который заставлял самую простую ткань выглядеть неприлично дорого. Продавщицы улыбались с пугающим единообразием — казалось, их отбирали по калибру ослепительно-белых зубов и способности не моргать слишком часто.

Кэсси ориентировалась в этом лабиринте роскоши без карты. Она уверенно потянула Ронни к стойкам с вечерними нарядами, где в воздухе витал аромат шёлка, атласа и фальшивой беспечности. Здесь висели платья в стиле «наследница империи в отпуске»: струящиеся ткани, ручная вышив-

ка и ценники, которые могли бы накормить целый квартал в нижнем городе.

— Смотри! — Кэсси выцепила из ряда платье цвета венозной крови, вскинула его над головой и прищурилась, словно режиссер на кастинге. — Рон, оно просто обязано стать твоим. Такое же дерзкое и драматичное... как ты сама.

— Как геморрой, — пробормотала Ронни.

Тем не менее, она неохотно взяла ткань в руки. Шёлк оказался пугающе мягким и живым, он моментально впитал тепло её ладоней. Дорогая, статусная вещь. И при этом — абсолютно, до тошноты не её.

Кэсси тем временем уже вовсю мародерствовала в следующем ряду.

— Вот это — точно да. И это. И, пожалуй, вот это, с открытой спиной... — Её руки летали по вешалкам с пугающей скоростью.

Ронни наблюдала за этим хаотичным захватом шёлка, и внутри неё шевельнулось глухое раздражение.

— Кэсс, остановись. Ты покупала платье вчера. И позавчера. И, кажется, всю прошлую неделю. Ты что, скармливаешь их какой-то чёрной дыре в своей квартире?

— В гардероб, дорогая, — Кэсси даже не обернулась, её голос звучал беспечно, почти нараспев. — Каждое платье — это настроение. А у меня, как ты знаешь, палитра богатая.

— Это не палитра, это клинический диагноз, — отрезала Ронни, скрестив руки на груди.

Кэсси фыркнула, но улыбка не сошла с её лица.

— Ох, не ворчи. Мне нужно что-то особенное для приёма.

Ронни медленно подняла взгляд от вешалки. Внутри кольнуло недоброе предчувствие.

— Какого ещё приёма?

Кэсси замерла. Её рука, тянувшаяся к очередному платью, повисла в воздухе. Она обернулась, и в её глазах промелькнуло искреннее, не поддельное удивление.

— Того самого, — она на секунду запнулась, и тон её голоса упал на октаву. — Который устраивает твой отец. В конце этой недели.

Она покосилась на Ронни — осторожно, боком, как сапёр, который только что услышал характерный щелчок под подошвой.

— Ты ведь... идёшь? Да?

Ронни машинально сжала ткань ближайшего платья, просто чтобы занять руки и не дать пальцам дрогнуть. Она заставила своё лицо превратиться в непроницаемую маску, которую так долго тренировала.

— Стоп, — её голос прозвучал неестественно ровно. — Я впервые слышу об этом.

— Что? — Кэсси моргнула, её гламурное облачко безмятежности лопнуло с сухим треском. — Как это не слышала? Он же... ну... — она осеклась, прикусив язык слишком поздно.

Ронни приподняла бровь, и этот взгляд был холоднее лю-

бого программного кода.

— Он мне не говорил, Кэсс. Ни слова.

Наступила секунда такой плотной тишины, что в ней стал слышен шелест кондиционеров. Кэсси заерзала, явно не зная, куда деть взгляд.

— Ой, боже, как неудобно-то вышло! — воскликнула она вдруг слишком громко, фальшиво, пытаясь склеить разбитую атмосферу. — Значит, сюрприз! Наверняка он просто хотел сообщить в последний момент. Ну, значит тем более надо выглядеть идеально!

Кэсси, не дав подруге ни секунды на осознание, подхватила целую охапку платьев — рубиновое, изумрудное, серебряное, какое-то безумное облако с перьями — и рванула к примерочным, словно за ней гнались.

— Я ЗАЙМУ КАБИНКУ! — выкрикнула она уже на ходу, растворяясь в зеркальном лабиринте коридора.

Ронни осталась стоять посреди этого святилища шёлка и блёсток. В руках она всё ещё сжимала платье — холодное, струящееся, чужое. Она даже не помнила, когда успела его взять. Окружающая роскошь вдруг показалась ей декорациями к спектаклю, в котором ей снова навязали роль без права голоса.

Она простояла в оцепенении еще несколько секунд, глядя на невесомый шелк в своих руках, а потом резко выдохнула и потянулась к телефону — привычный, почти защитный жест. Экран вспыхнул, вонзившись в глаза холодным светом,

и первое, что она увидела — уведомление, висевшее в топе как приговор.

СМС. От него.

Ей не нужно было открывать сообщение, чтобы знать содержание. Ронни чувствовала этот тон кожей еще до того, как буквы сложились в слова.

«Если ты не перестанешь меня игнорировать, я пересмотрю вопрос твоей охраны, Роксанна».

Роксанна. Имя, которым он пользовался не для того, чтобы позвать, а чтобы указать её место в иерархии. Имя-клеймо, которое она ненавидела каждой клеткой своего тела. В этой короткой строчке не было ни вопроса, ни заботы — только холодный ультиматум, замаскированный под родительское наставление.

Ронни закрыла глаза и медленно, сквозь зубы, досчитала до трёх, пытаясь усмирить взметнувшийся внутри гнев. Потом нажала «вызов». Гудки тянулись вязко, как патока, забивая уши монотонным ритмом, пока не раздался сухой щелчок соединения.

— Да неужели?! — голос отца ударил, как плеть. Раздражённый, острый, лишённый даже тени приветствия.

Она произвольно выпрямилась — выученная годами реакция, будто этот тон обладал физической силой, способной ломать позвоночник.

— Здравствуй, — выдохнула она слишком поспешно. — Я не видела твоих звонков.

— Ну разумеется. Я так и понял, — холодно бросил он, словно ставил очередную галочку в бесконечном списке её провалов. Ни крупницы тепла. Ни одного лишнего звука. Только бизнес, в который он превратил их семью. — В конце недели мы устраиваем приём.

Ронни сжала корпус телефона так сильно, что пальцы побелели.

— Какой ещё приём?..

— Если бы ты чаще реагировала на мои звонки, Роксана, ты бы не задавала лишних вопросов. Твоё присутствие обязательно, — перебил он, не терпя даже намёка на возражение. — Это не обсуждается. Машина будет у тебя в 18:00. Постарайся на этот раз выглядеть презентабельно.

И, не дожидаясь ответа, он оборвал связь. Короткие гудки посыпались в ухо, как удары молотка по гвоздям.

Ронни замерла с телефоном у уха, вслушиваясь в пустые гудки. Они казались оглушительными в наступившей тишине — куда более громкими, чем ледяной голос, который только что диктовал ей условия жизни.

Она медленно опустила руку, глядя на погасший экран, а затем резко, будто аппарат внезапно раскалился и обжёг ладонь, отшвырнула его на ближайшую банкетку у примерочных.

— Вот и поговорили, — процедила она сквозь зубы. Губы предательски дрогнули. — Ни «привет», ни «как ты», дочка... Ни черта.

Она зажмурилась так сильно, что в висках отозвалось тупой, пульсирующей болью. В горле встал комок — смесь из ярости, которую некуда было выплеснуть, и старой, детской обиды, которую она давно пообещала себе не чувствовать.

— Да пошёл ты, папа, — выдохнула она в пустоту бутика. Тихо, но с такой тяжестью, будто эти слова были единственным, что удерживало её от падения.

Ей хотелось одновременно разрыдаться и расхохотаться этому абсурду: она только что взламывала защищенные серверы, а теперь дрожит из-за одного звонка. Но она просто сделала глубокий вдох, заставляя легкие работать.

Ронни вскинула голову на шум: из-за зеркального поворота высунулась Кэсси. Она уже успела наполовину втиснуться в какой-то новый наряд и теперь отчаянно сражалась с непослушной молнией.

— Р-о-о-о-нни! — пропела она на весь butik. — Ты собираешься оценивать мой триумф, или я выберу сама, а ты потом скажешь, что я выгляжу как шторы из дешёвого отеля?!

Ронни прикрыла глаза на мгновение, выгалкивая образ отца из мыслей. Она собрала рассыпавшиеся волосы в тугий узел, словно затягивая на себе узлы самообладания. Перехватила со скамьи телефон и сделала шаг навстречу подруге.

Кэсси, едва взглянув на её лицо, мгновенно сдулась. Игривый тон исчез. Платье в её руках, стоявшее как подержанный седан, больше не было «настроением» — теперь она прижимала ворох дорогой ткани к груди, как старого плюшевого

мишку, пытаясь защитить Ронни от невидимого удара.

— Эй... — Кэсси подошла вплотную, заглядывая подруге в глаза с той пронизательностью, которую она обычно приберегала для дефектов на шёлковых швах. — Ты как? У тебя такой вид, будто ты готова кого-то убить.

Ронни выдавила усмешку — вымученную, сухую, едва затронувшую уголки губ.

— Всего лишь поговорила с отцом, — призналась она. Голос прозвучал хрипло, будто она долго кричала, хотя на самом деле не проронила ни звука.

Кэсси закатила глаза с таким искренним пренебрежением, будто отец Ронни был не главой корпоративной империи со стальной хваткой, а просто нудным соседом, который вечно жалуется на шум.

— Ну конечно, он. Могла бы и не уточнять. Опять включил режим «Я — император галактики, а вы все — мои досадные недоразумения»?

— Можно и так сказать, — пробормотала Ронни. — Ты попала в точку.

Кэсси шумно выдохнула и с силой хлопнула ладонью по вороху платьев, словно прихлопывала назойливое насекомое — или саму мысль об отце подруги.

— Всё, табу. Стираем его из памяти. У меня тут ЧП мирового масштаба: помоги мне сделать выбор, пока я в порыве шопоголического безумия не скупила этот бутик целиком.

Она стремительно развернулась к зеркалам, привычным

жестом поправляя безупречный локон.

— Итак. Вот это? Или вон то? Или то самое, которое я еще не нашла, но которое обязано существовать и идеально подчеркивать мою трагическую красоту? — Кэсси закружилась на месте, жонглируя вешалками. — Ронни, я тону в шёлке! Выручай!

Ронни сделала шаг вперед и перехватила одно из платьев, придирчиво проверяя натяжение швов.

— Вот это. Оно сидит на тебе так, будто его шили прямо на твоей коже, — вынесла она вердикт. — Второе... забудь. Оно делает тебя слишком квадратно-уютной.

— Оскорбила и спасла одновременно. В твоём стиле, — Кэсси фыркнула, но в глазах вспыхнуло искреннее облегчение.

И вдруг замерла и прищурилась, словно только что заметила в комнате слона:

— Погоди-ка. А тебе? Что мы возьмем тебе? Серебряное? Или то черное, с глубоким вырезом? Я обожаю на тебе черный. Но красное... Рон, красное на тебе — это чертовски опасно. Но так вкусно!

— Даже не начинай, — отрезала Ронни, вскидывая ладони в защитном жесте. — У меня в шкафу полно платьев. Они нормальные. Новое мне не нужно.

Кэсси уставилась на неё с таким выражением лица, будто Ронни только что сообщила, что уходит в монастырь или решила жить в лесу с пчёлами.

— Ты идешь на прием к собственному отцу, — она чеканила каждое слово, как монеты. — Там соберутся все: его партнеры-стервятники, пресса, инвесторы с их вечно потными ладонями... Ронни, выбросить старые платья и купить новое — это акт гражданского самосознания!

— Мне. Плевать, — голос Ронни упал до едва слышного, но стального шепота. В нем было столько усталости, что Кэсси замолчала.

Пауза затянулась. Кэсси осторожно коснулась её плеча, и на этот раз в её жесте не было ни грамма театральности.

— Ты правда на пределе, — мягко произнесла она. — Он настолько сильно на тебя давит?

Ронни отвела взгляд, сосредоточенно изучая блики на стеклянной витрине.

— Он всегда так делает. Просто сегодня... особенно удачный день для его игр.

Кэсси вздохнула. Было видно, как ей хочется защитить подругу, но её единственный арсенал состоял из дизайнерских вещей и безлимитной кредитки. Против танковой брони её отца этого было мало.

— Ладно, — сдалась она, отступая на шаг. — Сегодня я оставляю твой гардероб в покое. Но предупреждаю: если перед приемом я приеду к тебе и увижу то самое унылое черное платье, в котором ты была на прошлом Рождестве, — я убью тебя лично.

Ронни не выдержала и коротко, почти искренне усмехну-

лась.

— Посмотрим.

— Нет, дорогуша. Мы увидим, — Кэсси поправила невидимую корону на голове. — А теперь всё, примерочная зовет меня по имени!

Она подхватила ворох шёлка и вихрем исчезла за тяжелыми портьерами кабинки.

Ронни стояла посреди безупречных рядов одежды, в окружении слишком яркого света и навязчивой музыки, и впервые за весь день ощутила что-то пугающе простое, человеческое. Будто мир на краткий миг перестал требовать от неё невозможного — быть стальной, холодной, собранной. Всё вокруг было до абсурда нормальным: шелест дорогого атласа, мягкие шаги персонала по ковролину и зеркала, отражавшие людей, у которых не было ни опасных тайн, ни смертельных врагов, ни тяжёлого гула в ушах от воспоминаний о третьем этаже больницы.

Из-за портьер донёсся звонкий смех Кэсси — такой искренний и невесомый, что он казался почти осязаемым. В этом звуке было столько жизни, что Ронни позволила себе то, чего не могла сделать последние сутки: она просто закрыла глаза и сделала глубокий, спокойный вдох, в котором не было ни капли дрожи.

Глава 5

Ронни вернулась в берлогу, когда город уже окончательно выдыхался. Ночь ещё не успела захватить улицы, но свет стал тусклым, пыльным и каким-то обессиленным, словно солнце устало биться о зеркальные фасады небоскребов и просто сдалось.

Тяжелая дверь захлопнулась, отсекая шум внешнего мира, и воздух мгновенно обрушился на неё плотным, знакомым коконом. Здесь пахло правильно: нагретым металлом, холодным бетоном, старой изоляцией кабелей и тем самым невидимым электричеством, которое всегда висело в пространстве тонким, едва уловимым шлейфом озона. Это был запах её настоящей жизни — честный, лишенный парфюмерной фальши бутиков.

Сбросив куртку на спинку кресла, она привычным жестом оживила систему. Новый серверный блок проснулся мгновенно — ответил глубоким, ровным, почти животным гулом, от которого ощутимо завибрировала столешница. Мониторы вспыхнули один за другим, заливая ангар холодно-голубым светом. В этом сиянии голые бетонные стены выглядели пугающе стерильно, словно в операционной или морге.

Ронни закрыла глаза, вслушиваясь в этот тихий, технический рокот. Уверенный звук работающего железа был единственным, что сейчас возвращало ей ощущение контроля.

Здесь всё подчинялось логике и командам, здесь не было места двусмысленности или недосказанности. Только ток, только код.

Ронни направилась к кухонному уголку — островку относительного комфорта в её бетонном царстве. Металлическая ручка микроволновки встретила её холодом и влажным конденсатом; палец скользнул по гладкой поверхности, но она привычно поддела край ногтем. Контейнер с лапшой был дешёвым, набитым солью и специями, но Ронни любила его не за вкус, а за предсказуемость. В мире, где всё летело к чертям, этот химический состав оставался неизменным.

Когда печь натужно загудела, по помещению пополз коктейль из ароматов: горячего пластика, едкого пара и кислых ноток остывшего утреннего кофе из забытой на столе кружки. Всё это, переплетаясь со стерильным запахом работающего железа, создавало странный, густой уют — специфический запах места, где ты не просто живешь, а вырастаешь в стены.

Она вернулась к рабочему столу, поставив контейнер слева от клавиатуры. Лапша была тёплой, на грани обжигающей; запах куриного бульона и специй тянулся ленивыми, густыми волнами, смешиваясь с сухим воздухом цеха. Ронни надела наушники, и мир моментально схлопнулся, сузившись до светящихся панелей мониторов и низкого, пульсирующего гула серверов.

Теперь существовало только это пространство.

— Что ж... посмотрим, через какую дырку ты пролез ко мне, — проговорила она тихо, почти утробно.

Её голос потонул в тишине типографии, не встретив эха. Она подалась вперёд, и в голубоватом свете экранов её лицо стало похоже на застывшую маску. Пальцы зависли над клавишами, замирая в секундной готовности, прежде чем нырнуть в логи системы и вскрыть след взломщика, как хирургический нарыв.

Глаза пробежались по строкам кода — быстро, цепко, без лишних движений. Защитный каркас застыл на мониторах строгими рядами знаков — выверенный, просчитанный до последнего бита, без единого случайного зазора. Она знала эту архитектуру так, как знают собственную кровеносную систему. Логика была безупречной. Ошибки быть не могло.

Значит, дело не в каркасе. Противник не взломал замок — он просто просочился сквозь стену.

Внутри — маленький, мерзкий шёпот — продолжало сжиматься горло, игнорируя доводы рассудка.

Он прошёл. Он как-то, чёрт возьми, пролез внутрь.

Ронни открыла обычный блокнот — самый примитивный инструмент, в котором нечему было ломаться и негде было прятать скрипты. На девственно чистой странице она напечатала одну фразу, чувствуя, как пульс отдаётся в кончиках пальцев:

«Ну что, как успехи?»

В этой короткой фразе сквозил её привычный тон — ле-

ниво-насмешливый, с едва уловимым вызовом. Ронни не знала наверняка, висит ли он в системе прямо сейчас, но людей такого типа она изучила досконально. Самоуверенные игроки, опьяненные собственной неприкосновенностью; они возвращаются не по делу, а потому что не могут переварить укус в свое раздутое эго.

Она уже потянулась к терминалу, чтобы запустить повторную проверку барьеров, когда окно блокнота едва заметно дрогнуло. Сначала — легкое мерцание пикселей, будто система на секунду моргнула. А затем — уверенное, намеренное движение курсора, словно кто-то невидимый, стоящий прямо у неё за плечом, ткнул пальцем в экран.

Строки поползли по белому полю, выстраиваясь в слова: «Ничего. Ну, то есть абсолютно пусто. Ты даже на личных дисках хранишь данные анонимно, избегая любого упоминания о себе. Тебе не кажется, что это уже клиническая паранойя?»

Уголки её губ едва заметно дёрнулись — не в улыбке, а в коротком, раздражённом удовлетворении. Он был здесь. Он наблюдал. Взломщик хозяйничал в её системе так уверенно, словно это был его собственный стол в этом пыльном цехе, его собственный экран. Она быстро набрала:

«Банальная безопасность в сети».

Рука машинально потянулась к пластиковому контейнеру. Ронни размешала лапшу; едкий запах специй мгновенно стал резче, влажный пар ударил в лицо. Она подцепила

вилкой несколько нитей, уже собираясь поднести их ко рту, но экран коротко мигнул, перехватывая её внимание, словно наглый собеседник, хлопнувший ладонью по столу.

«Как в Пентагоне, ага. Единственное — ты держишь банковский счёт на имя Ричарда Ричардсона. Креативно, ничего не скажешь. Кто-то вообще верит, что человек с таким именем может существовать в реальности, а не в плохом шпионском романе?»

Ронни поставила контейнер обратно — резче, чем следовало. Бульон плеснул на край, еда в секунду перестала казаться аппетитной, а на поверхности жира начала стягиваться серая остывающая плёнка. Пальцы похолодели — то ли от сквозняка в типографии, то ли от того, насколько глубоко он зарылся в её грязное бельё. Она напечатала:

«Как ты понимаешь, проблем с обналачиванием никогда не возникало».

Ответ прилетел почти мгновенно, безжалостной строчкой:

«Заботишься о безопасности семьи? Так ведь? Прячешься, чтобы жена и дочь не были втянуты в твоё дерьмо?»

Ронни медленно оттолкнулась от стола. Колёсики кресла глухо прогрохотали по неровному бетону, пока она отъезжала назад, пытаясь взглянуть на мониторы — или на саму себя — под другим углом. Он копался в её жизни с хирургической беспардонностью. Лез туда, куда вход был заказан всем. Она снова придвинулась к клавиатуре и выдала короткий, сухой

ответ, призванный сбить его с толку:

«Муж и сын».

Экран завис. В этой цифровой тишине ощущалось его замешательство — секундный сбой в алгоритме самоуверенности. Наконец пришёл ответ:

«Так наш таинственный взломщик — девушка? Да ещё настолько педантичная? Красивая легенда, но я не верю».

Ронни коротко, хрипло хохотнула. Звук отразился от высоких потолков типографии, и в этом смехе было больше яда, чем в её коде. Во рту остался металлический привкус, словно она только что прикусила губу. Она быстро набрала:

«Сломать хрупкое мужское эго обычно может только женщина. Тебе стоило этого ожидать».

Она откинулась в кресле, чувствуя, как напряжение в плечах наконец сменяется привычным азартом. Впервые за весь этот бесконечный день она была на своём поле. Ронни выудила вилкой кусок лапши — уже холодной, жирной и совершенно безвкусной, — но сейчас эта дрянь была лучшим топливом.

Монитор дрогнул, будто система сделала глубокий, неровный вдох:

«И споткнуться об элементарный барьер безопасности тоже может только женщина. Вы слишком импульсивны. Так что я просто подожду твоей ошибки, нарушительница. А когда ты оступишься, выпотрошить твой реальный след будет легче лёгкого».

Она наклонилась вперёд — медленно, выверенно, почти по-животному. Так кошка замирает в высокой траве, уловив шорох добычи. Наушники чуть соскользнули, и привычный гул серверов ворвался в ухо громче, осязательнее, словно огромное здание типографии подало голос, предупреждая об опасности. Пальцы легли на клавиши мягко, без лишнего замаха, и напечатали:

«Тогда придётся ждать долго».

Ответ прилетел мгновенно, будто он уже держал палец над клавишей Enter:

«Уверенность — это мило. Но статистика всё равно играет против тебя».

Ронни закатила глаза так отточенно, что могла бы брать медали в этой дисциплине. Она не стала тратить время на раздумья: одной рукой печатала ответ, а другой уже привычно листала соседнюю вкладку с логами за последние три часа. Рутинка: два запроса на зачистку цифровых хвостов, безнадёжная попытка купить доступ к полицейскому серверу и вечный клиент №44, вымаливающий скидку.

Вернувшись в блокнот, она бросила:

«Статистика — для тех, кто не умеет думать. Ты же вроде претендуешь на наличие мозга? Или я тебя переоценила?»

Она снова подтянула контейнер, намотала на вилку пару холодных нитей лапши и заставила себя прожевать их. Вкус был мерзковатый, жирный, но желудок получил необходимое топливо, и мысли заработали резче, как отшлифованные

шестерни.

Экран моргнул:

«Ты переоценила».

Она дёрнула уголком рта — не улыбка, а ленивый жест признания: маска всезнающего бога наконец дала трещину, и он стал чем-то более осязаемым, честным. Пока он молчал, Ронни переключила один из мониторов на диагностический модуль. Пальцы летали по клавишам, пропуская через фильтр последние попытки проникновения. Одна из записей принадлежала ему: изящно спрятанная, тонко замаскированная, но всё же куда более грубая, чем её собственный код. Быстрый, но дерзкий — как любитель с задатками гения. И это раздражало её даже больше, чем сам факт вторжения.

Экран снова ожил, врываясь в её размышления:

«Интересно другое. Почему в твоей системе нет ни одного отпечатка личности? Нулевой цифровой след. Так не бывает».

Ронни даже бровью не повела. Одной рукой она проверяла транзакции: крипта зашла, две верификации прошли успешно, одна зависла — её придётся «пнуть» вручную завтра. Это было рефлекторно, как вдох и выдох, в то время как другая рука уже чеканила ответ:

«Бывает. Если есть мозги».

Ответ пришёл коротким, жёстким ударом:

«Нет. Если нечего скрывать».

Взгляд замер на долю секунды. Не от страха, а от неприятного осознания: этот парень начал задавать правильные вопросы. Но пальцы на клавиатуре остались неподвижны, выдавая абсолютное спокойствие. Она набрала ровно, почти буднично:

«Ты удивишься, сколько всего скрывают по-настоящему умные люди. И как мало — громкие».

Пауза затянулась. В цехе типографии стало слышно, как гудят кулеры, разгоняя застоявшийся воздух. Ронни проверила узлы и фоновые процессы: чисто. Он не лез в систему, он просто сидел в блокноте, и это почему-то успокаивало сильнее, чем должно было.

Новая строка:

«Ладно. Допустим, ты мастер маскировки. Но объясни мне: почему всё в офлайне? Диски без имён, шифры без привязки к ключам... Ты параноик десятого уровня, не иначе».

Ронни едва заметно усмехнулась. Слишком часто она это слышала.

«Паранойя — это когда боишься теней. А я — просто живу в реальном мире, где тени умеют кусаться».

Ответ прилетел наотмашь:

«Значит, бояться есть чего».

Она методично закрыла три выполненных задания, отправила уведомления заказчикам и только потом, выдержав паузу, написала:

«Есть вещи похуже страха. Например, любопытные маль-

чки без тормозов».

Три секунды экран стоял пустым. А потом появилась финальная, тяжёлая фраза:

«Хорошо. Поиграем».

Ронни медленно откинулась в кресле, чувствуя, как жёсткая спинка принимает форму её затекшей спины. Пространство типографии стало пугающе тихим — огромный цех превратился в безмолвного зрителя этой странной цифровой дуэли. На мониторах дрожало её отражение: размазанный силуэт, тёмные провалы глаз, светлые волосы, выбившиеся из пучка. Уставшая, но максимально собранная — сейчас она находилась в той точке концентрации, где работа превращалась в инстинкт.

Она наконец стянула наушники, позволяя ровному гулу серверов заполнить паузу между строками. Пальцы зависли над клавиатурой, едва касаясь клавиш. Слова пришли сами — спокойные, хищные, пропитанные ленивой уверенностью.

Она напечатала:

«Не надейся, что выиграешь».

Экран замер. Собеседник словно перестал существовать вместе с последней точкой в блокноте. Ни новой строки, ни провокации вдогонку — только белый фон и пульсирующий курсор, отсчитывающий секунды её триумфа или его отступления.

Гул серверов вдруг стал слишком заметным — из привыч-

ного фона он превратился в давящую, вибрирующую массу. Ронни поймала своё отражение в стекле монитора: размытое, распавшееся на пиксели лицо, глубокие тени под глазами и светлые пряди волос, прилипшие к вискам от тепла работающего железа. Она моргнула — и призрак в экране исчез.

Выдохнув, она окончательно сбросила наушники. Пустое пространство типографии отозвалось глухим, равнодушным эхом. Ронни провела ладонью по столу, сметая крошки холодной лапши, и привычными движениями обрубилa хвосты.

Минуты тянулись вязко. Экран застыл — ни мерцания, ни попыток снова пробиться. Хакер, который только что буквально дышал ей в затылок сквозь код, исчез, словно его выключили из розетки. Ронни проверила пинг, прогнала логи — чисто. В цифровом мире наступил штиль, но за спиной, в реальном мире, бетонный зал заполнился ночными звуками: размеренным стуком капель в душевой и монотонным шелестом кулеров.

Она потянулась за кружкой, сделала глоток, но кофе уже превратился в ледяную болотную воду. Растёрла глаза, пытаясь унять жжение. Организм требовал сна, но мозг, разогнанный азартом дуэли, продолжал работать на инерции: монитор, код, тишина. Старая, бесконечная рутина... Которая вот-вот должна была взорваться.

И когда ночная рутина уже почти затянула её обратно, как

тёплый ил, угол экрана полоснул по глазам системным уведомлением — коротким, резким, требовательным. Срочный заказ. Тег высшего приоритета. Кто-то очень хотел, чтобы его услышали именно сейчас, в этот мертвый час, когда город окончательно затих.

Ронни открыла сообщение. На черном фоне, подсвечивая её лицо мертвенно-белым, вспыхнули цифры: «Нужна любая информация о Бенджамине Лоуренсе. 50 000\$. Срочно».

Имя ударило наотмашь — неприятно знакомое, облепленное лоском и властью, оно никак не вязалось с запахом старой типографской краски. Ронни откинулась в кресле, чувствуя, как ноют мышцы. Позвоночник хрустнул в тишине цеха — сухо и ощутимо. Она растерла лицо ладонями, вытряхивая из головы остатки сонливости. Сумма была слишком крутой для обычного пробива, а значит, пахло настоящими проблемами.

Она подтянулась к столу, положила руки на клавиатуру и открыла зашифрованный канал с заказчиком.

«“Любая информация” — это мусор. Уточни направление», — отчеканила она.

Пару секунд она просто смотрела, как мигает курсор в пустом поле чата. Иногда клиенты, одуревшие от отчаяния, кидали деньги, требуя невозможного — достать душу из облачного хранилища.

Ответ прилетел мгновенно, будто заказчик вцепился в монитор с той стороны:

«Меня интересуют его закрытые клубы. Всё, что связано с логистикой и списками».

Ронни коротко кивнула самой себе. Вот это уже было похоже на цель, а не на истерический крик в пустоту. Она задумчиво постучала пальцами по краю стола — звук вышел сухим, костяным в тишине огромного цеха.

«Работа — только после предоплаты. Пятьдесят процентов вперёд», — набрала она.

Отправила и откинулась на спинку кресла. Обычно на этом этапе всё либо затихало, либо переходило в нудный торг. Но на этот раз система отреагировала мгновенно. Точка набора в чате загорелась и запрыгала рывками — человек на том конце явно не попадал по клавишам от трясущихся рук..

«Окей... да. Щас. Просто — мне действительно нужно всё, что ты найдёшь. Любая мелочь. Всё, что может к нему вести».

И следом, без секунды паузы, вдогонку:

«Любая информация, слышишь? Всё, что сможешь откопать».

Заказчик буквально задыхался по ту сторону экрана. Ронни видела это по тому, как рвано строились фразы, как игнорировались знаки препинания. В воздухе типографии, пропитанном запахом старой бумаги и перегретого железа, будто разлилось чужое, липкое отчаяние.

Уведомление о входящей транзакции вспыхнуло в углу

монитора холодным голубым светом. Сумма была реальной, подтвержденной и уже осевшей в её «прачечной».

Ронни коротко вбила, пытаясь закрыть шлюз:

«Понял. Хватит. Я разберусь».

Но его было уже не остановить. Сообщения посыпались сплошным, слипшимся текстом — будто он колотил по клавишам в слепой истерике, не заботясь о пробелах.

«Слушай, чувак, мне реально нужна твоя помощь. Любая. Всё, что сможет привлечь внимание к этому мудаку. Они набирают молодых девушек, заставляют подписывать контракты, обещают им работу, а потом отправляют в эти их закрытые “клубы”. Как мясо. Для голодных стервятников, понимаешь?»

И следом, уже явно через ком в горле, коротким выдохом отчаяния:

«Я заплачу вдвое больше, только найди хоть что-то, что поможет вытащить из его лап мою сестру».

Чат будто начал дышать его паникой — тяжёлой, прерывистой, липкой. Ронни видела миллионы таких историй. У кого-то бесследно исчезал ребёнок, у кого-то муж-игрок спускал семейное состояние, у кого-то бизнес-партнёр вычислял счета и уходил в закат.

Ничего нового. Глупые, красивые девчонки, ослеплённые блеском чужих лимузинов, подписывали всё, что им совали под нос, лишь бы коснуться «красивой жизни». Этого дерьма в городе было как грязи после ливня, а тех, кто потом разевал

рот от удивления — ещё больше.

Пальцы Ронни порхали по клавишам, чеканя холодный, как бетонный пол цеха, ответ:

«Меня не интересуют твои личные обстоятельства. Я не работаю спасателем. Ты купил поиск — я сделаю поиск. Что дальше будешь с этим делать — не моё дело.»

Ронни отправила сообщение и замерла, ожидая, что наступит тишина. Но тишины не было. Клиент продолжал биться в закрытую дверь, вываливая на экран слова, которые ей не хотелось знать.

«Понимаю... просто... она реально не знала, что подписывает. Они дают, обещают деньги, жильё... Лоуренс же богач. Он всех чарует. Я не успел предупредить».

Она скрипнула зубами. Чужие эмоции всегда ложились ей на нервы липким, удушливым слоем. В тишине цеха ей на мгновение показалось, что она слышит его прерывистое дыхание, хотя между ними были сотни миль оптоволоконна и фильтров. Ронни снова придвинулась к клавиатуре, её пальцы двигались быстро, безжалостно:

«В следующий раз учи родственников читать мелкий текст. Я скину всё, что найду. Но эмоции оставь кому-то другому. Я работаю за деньги».

Ронни нажала Enter и закрыла чат, будто захлопнула тяжелую крышку люка — одним резким, финальным движением. Экран моргнул, возвращая её в привычное царство холодного света и бездушных данных. Ночь за высокими ок-

нами типографии стала окончательно чёрной, а гул серверов — единственным голосом, которому она всё ещё позволяла звучать в своей голове.

Плечи были напряжены, будто кто-то невидимый вцепился в них пальцами. Она выдохнула, пытаясь размять затекшую шею и стряхнуть раздражение, которое всегда липло к коже после таких откровений. Не её жизнь. Не её проблема. Ронни повторила это про себя, как протокол техники безопасности.

Окна закрывались одно за другим, пока на мониторах не остались только рабочие панели и тусклый системный фон. Пальцы легли на клавиатуру автоматически — тело знало ритм этой охоты лучше, чем разум. Она запустила поисковые модули: цепочки запросов начали сплетаться в невидимые сети, маскирующие слои ложились поверх её следов, инструменты для вскрытия закрытых узлов замерли в режиме ожидания. Ночь не закончилась — она просто вошла в свою самую густую, самую дорогую фазу.

Глядя на мигающий курсор в строке ввода параметров, Ронни едва слышно пробормотала:

— Прости, Кэсс... но работа есть работа.

Фраза выскользнула сама по себе. В ней не было ни искреннего сожаления, ни попытки оправдаться. Просто сухая констатация факта: чужие трагедии всегда приходят не вовремя, но за них, по крайней мере, вовремя платят.

Она начала вводить первые запросы.

Всё шло по отработанной схеме: проверка зеркал, запуск теневого прокси, методичный обход первичных шлюзов. Знакомая до тошноты структура всплыла на экране — тот самый формат корпоративных связок, который она уже вскрывала год назад. Системы Лоуренса были именно такими, какими она их помнила: дешёвые попытки спрятать слишком дорогое, криво подогнанные протоколы и этот особый пафос в духе «мы недосягаемы». Подобная бравада всегда её смешила.

— Ну да, конечно... — пробормотала она, активируя второй монитор. Синий свет залил её лицо, подчёркивая резкие скулы. — Всё как обычно. Пыль в глаза и дырявые заборы.

Первый барьер лег под её инструментами почти без сопротивления. Второй — чуть крепче, но с той же предсказуемой логикой. Третий встретил её характерным торможением — вязким, тягучим откликом, который всегда говорил опытным взломщикам одно: система пытается казаться умнее, чем она есть на самом деле. Это была ловушка для дилетантов, «вязкий пол», замедляющий атаку.

Она лениво щёлкнула скриптом обхода, ожидая увидеть корень каталога, но вместо этого на соседнем мониторе вспыхнуло окно блокнота. Она его не открывала.

Окно было абсолютно чистым, белым, агрессивно пустым на фоне её темных рабочих панелей. И ровно в ту секунду, когда Ронни перевела на него взгляд, курсор в углу едва заметно дрогнул. Не системный лаг, не ошибка отрисовки —

это было намеренное, почти осязаемое присутствие. Кто-то уже сидел внутри этой папки, в самом сердце серверов Лоуренса, и просто ждал, когда она постучится.

Ронни замерла, перестав жевать. Тишина в типографии мгновенно стала давящей, почти осязаемой. На белом поле блокнота, как чёрная метка, выстроилось одно слово:

«Развлекаешься?»

Ронни закатила глаза так резко, что почувствовала укол в виске.

— Господи, только не ты... — прошептала она в пустоту цеха.

Прежде чем её пальцы коснулись клавиш, в блокноте выросла новая строка. Он не печатал, он словно транслировал мысли прямо на её экран, всегда оказываясь на шаг впереди:

«Любопытно наблюдать за работой профи, чьи треки подчищены лучше, чем у половины спецслужб».

Тон был наглый, пропитанный тем самым ленивым превосходством, от которого её всегда подбрасывало. Он выбрал идеальный момент — когда она по локоть залезла в чужую систему и не могла позволить себе бросить всё, чтобы выжить его присутствие. Это был цифровой шантаж в чистом виде.

Она не ответила. Сцепив зубы, Ронни продолжала сканировать порты, игнорируя белое окно, маячившее на периферии зрения. Но барьер под её инструментами вдруг дрогнул — едва заметно, словно по поверхности воды пошла рябь.

Она поняла: он не просто смотрит. Он держит её за руку. И дальше работать придётся в его присутствии, чувствуя его дыхание в каждой строчке кода.

Следующий барьер начал поддаваться, но мучительно медленно. И дело было не в сложности шифра, а в том, что внимание Ронни дробилось пополам: между делом и нежеланным зрителем, который бесцеремонно заглядывал ей через плечо.

В блокноте лениво проступила новая строка:

«Слишком очевидно, не находишь? Ты идешь через парадный вход. Это скучно».

Она сжала губы в тонкую линию. Пальцы летали по клавиатуре, выстраивая ответные алгоритмы быстрее, чем разум успевал оформить раздражение в слова.

— Не твоё дело, — пробормотала она под нос. В тишине типографии её собственный голос показался ей чужим и слишком громким. Она принципиально не стала печатать ответ в блокноте, не желая давать ему повод для затяжного диалога.

Но экран мигнул, и новая строка ударила наотмашь:

«Я думал, ты смелее. Или ты просто боишься испачкать руки о настоящую грязь Лоуренса?»

Ронни замерла. Курсор на белом поле пульсировал, как учащённое сердцебиение. Этот парень не просто развлекался — он планомерно подталкивал её к краю, за которым кончалась «банальная безопасность» и начиналась зона, из ко-

торой не возвращаются целыми.

Она скривилась, но упрямо продолжила строить обходную цепочку. Каждое его слово ощущалось как лёгкий, навязчивый тычок пальцем в плечо — не больно, но невыносимо хочется отмахнуться или ударить в ответ.

Система под её руками наконец дрогнула и раскрылась. За третьим барьером обнаружился распределённый каталог с десятком вложенных веток. На первый взгляд — скучная корпоративная шелуха: квартальные отчёты, логи пропусков, графики уборки помещений. Но на второй взгляд структура выглядела избыточной. Слишком много зашифрованных контейнеров для расписания клининга. Что-то было утоплено гораздо глубже, чем позволяла логика обычного бизнеса.

Блокнот снова ожил, перехватывая её мысль:

«Ты же понимаешь, что это слишком просто. Лоуренс — подонок, но не идиот. То, что ты ищешь, не лежит в папке "Секреты"».

Она тихо фыркнула, чувствуя, как по спине пробежал сквозняк.

— Да знаю я, — бросила она в темноту цеха.

Она пролистала структуру глубже, вычленяя скрытые связи. Чем дальше она продвигалась, тем очевиднее становилось: Лоуренс не просто прятал данные — он делал это на удивление неуклюже, словно рассчитывал лишь на тех, кто никогда не рискнёт заглянуть за третий уровень допуска. Ка-

талог «Финансы» откликнулся странно медленным пингом, натужно имитируя тяжеловесность. Ронни уже видела, где именно нужно подрезать системные перекрытия, чтобы обрушить этот фасад.

И тут в блокноте, как плевков в чистое стекло, возникла новая строка:

«Ты так осторожничаешь, будто это для тебя в новинку. Он всегда маскировал копеечный мусор так, будто прячет миллиардные потери».

Её пальцы на секунду замерли над клавиатурой. Не потому что он ошибся — напротив, он попал слишком точно.

Казалось, он наблюдает не за строками кода, а за движением её рук, ловя малейшее колебание. От этого ленивого, почти интимного комментария внутри всё сжалось. Работать под таким прицелом было всё равно что идти по тонкому льду посреди ночного озера: раздражающе, холодно и смертельно опасно.

Она попыталась задавить в себе гнев. Вошла глубже, вскрыла одну из боковых веток и начала копировать лог связей в защищённое окно. Но его новая фраза всплыла прежде, чем она успела нажать Enter:

«Странно: ты видишь очевидные дыры, но продолжаешь обходить их, как будто боишься, что кто-то заметит, насколько легко они вскрываются».

Это уже не было просто насмешкой — это было обвинением. Профессиональным, хирургически точным. И имен-

но поэтому её накрыло вспышкой злости. Живой, резкой, совершенно неуместной. Ронни откинулась назад, пальцами упёрлась в край стола так, что побелели костяшки, будто сдерживая желание разбить клавиатуру.

— Блядь... — сорвалось у неё тихим, ядовитым шёпотом.
— Так работать невозможно.

Она с силой щёлкнула курсором по белому полю блокнота и впервые за ночь напечатала ответ:

«Займись своими делами. Не мешай».

Строка вспыхнула мгновенно — короткая, обидно-холодная:

«Я и занимаюсь. Тобой».

Ронни стиснула зубы. В висках застучало, а пальцы ударили по клавишам быстрее, чем она успела включить самоконтроль:

«Мне не нужна твоя оценка. Мне не нужно твоё мнение. И уж точно мне не нужно твоё присутствие. Убирайся из канала».

Наступила пауза. Секунда, две, три... Собеседник словно специально дал ей повисеть в собственном раздражении, позволяя гулу серверов в пустой типографии стать оглушительным.

Наконец, экран обновился:

«Отпустить тебя так просто было бы неинтересно».

Она прищурилась, вглядываясь в экран так интенсивно, словно пыталась выцепить крупички смысла между пикселя-

ми букв. Пальцы, повинаясь инстинкту, набили вопрос:

«Что тебе нужно, чтобы ты оставил меня в покое?»

Ответ выскочил мгновенно, без задержки на раздумья:

«Имя твоего клиента. Того, кто зашёл под меткой “ghost”».

Ронни резко выдохнула носом. Раздражение переросло в глухую настороженность. Он не просто следил за её взломом — он охотился за тем, кто нажал на кнопку «заказать».

«Не знаю. И знать не собираюсь. Я не пробиваю своих заказчиков», — отчеканила она.

Никаких лишних эмоций. Никаких оправданий. Просто сухой кодекс наёмника, который был для неё законом в этом цифровом хаосе. Но собеседник, разумеется, не собирался отступить.

«Принципиальность — это мило. Бесполезно, но мило».

Ронни проигнорировала последнюю реплику анонима. Она провела финальную связку к узлу, который всё это время прятался за ширмой псевдо-документов. Файлы раскрылись перед ней мягко и бесшумно, будто всё это время только и ждали её прихода.

Вот оно. Настоящее нутро империи Лоуренса: списки, логистика, теневые переводы, внутренние отчёты тех самых «клубов». Та самая информация, за которую клиент выложил целое состояние.

Действуя на автомате, она выпотрошила сектор: имена, графики перевозок живого товара, зашифрованные платежи

на счета фиктивных контор. Она упаковала всё это в архив, наложила три слоя шифрования и сбросила в личный канал заказчика.

Почти мгновенно в окне переписки с клиентом замигала точка набора. За этой пульсацией стоял живой человек — он наверняка пытался что-то объяснить, оправдаться, излить свою благодарность или проклясть её холодность.

Ронни даже не стала открывать чат. Она свернула окно одним коротким движением — так же легко и равнодушно, как смахивают пыль с монитора или удаляют спам. Она забыла о существовании этого человека ещё до того, как его «спасибо» успело долететь до её серверов. Для неё работа была закончена. Осталось только разобраться с тем, кто всё ещё сидел во втором окне.

Ронни вбила последние строки, чеканя каждое слово:

«Если тебе так нужна информация о клиенте под меткой “ghost” — ищи сам. Мои системы открыты ровно настолько, насколько я позволяю. И этого тебе более чем достаточно».

Строка ответа не появилась мгновенно, но Ронни не собиралась давать ему время на очередную колкость. Она добавила, обрывая связь:

«А теперь — оставь меня в покое. Для меня ночь закончилась».

Она закрыла блокнот. Свернула рабочие панели. Погасила узлы — один за другим, пока гул серверов не стал тише, спокойнее, почти равнодушным. Экран монитора погас,

оставив её в густой, вязкой темноте цеха.

Ронни поднялась, чувствуя, как мучительно ломит спину и как гудят кончики пальцев от многочасовой пляски по клавишам. Она прошла в душ, включила воду — горячую настолько, чтобы она обжигала кожу, смывая остатки ночного напряжения и липкое ощущение чужого присутствия. В первые же минуты под струями пара она почувствовала, как тело окончательно сдаёт.

Через пятнадцать минут она уже падала в кровать. Сон накрыл её тяжёлой волной прежде, чем она успела вспомнить о наглom анониме, отчаявшемся заказчике или о том, какую бурю она только что выпустила из цепей в системе Лоуренса.

Глава 6

Утро в берлоге наступило не по графику — просто организм вышвырнул её из сна, решив, что лимит отдыха исчерпан. Ронни открыла глаза рывком, будто за воротник дернули вверх. В помещении было зябко; бетонные стены за ночь выпили всё тепло, и только кровать еще хранила душный, липкий жар её тела. Она перевернулась на спину, уставившись в потолок: знакомая до тошноты геометрия — ржавый металл балок, трещина в панели, похожая на корявую молнию, и монотонный, вибрирующий гул серверов.

Телефон завис на самом краю матраса, готовый вот-вот сорваться в пыль. Ронни нащупала его вслепую. Экран плеснул в лицо агрессивным светом, от которого в глазах закололо. Лента уведомлений подскочила вверх, жадная и суетливая, будто сеть тоже не спала всю ночь, переваривая выброшенный в неё яд.

Первый же заголовок полоснул по зрачкам жирным капсом:

«КРАХ ИМПЕРИИ: СКАНДАЛ В КОРПОРАЦИИ ЛОУРЕНСА».

Она прищурилась, пытаясь сфокусировать взгляд. Палец механически дернул экран выше.

«ЭЛИТНЫЕ КЛУБЫ И ТЕНЕВАЯ ЛОГИСТИКА: ЧТО СКРЫВАЛ МИЛЛИОНЕР?».

Третья ссылка вела на видео. Журналист с фальшиво-тревожным лицом размахивал в эфире распечатками — Ронни узнала свои логи по характерному расположению столбцов. Значит, детонатор сработал. Город проснулся, чтобы созреть своего героя на завтрак.

Ронни шумно выдохнула через нос. Конечно. Конечно, сука.

Она скинула архив в четыре утра, сейчас — без тринадцати десять. Заказчик явно не ложился: сидел у монитора, караулил полосу загрузки, чтобы через три минуты после финализации скормить данные стервятникам из прессы. Она листала дальше, узнавая свою работу в каждом абзаце. Графики, суммы, маршруты поставок — всё, что она вчера так аккуратно упаковывала, теперь валялось в открытом доступе, облепленное жирными комментариями. Журналиги предсказуемо выпотрошили самые грязные куски, выставив их на витрину без контекста и пояснений.

Ей не было жаль Лоуренса. Раздражала сама механика: эта гончая скорость, наглость и абсолютная предсказуемость толпы. Город всегда обожал жрать своих «золотых мальчиков», а сегодня ему накрыли роскошный стол.

Ронни перевернулась на бок, подтянув одеяло к подбородку, пытаясь спрятаться от едкого света, который полосовал цех сквозь щели. Во рту стоял стойкий привкус железа и ночной сухости. Палец продолжал листать экран уже машинально. Читать эти утренние «инсайды» было всё равно что ды-

шать похмельным перегаром: воняет, мутит, но другого воздуха в этом городе нет.

Она обновила ленту. Свежий заголовок вспыхнул на самом верху, будто выстрелил сигнальной ракетой:

«СЕМЬЯ ЛОУРЕНСОВ ОТРИЦАЕТ СВЯЗЬ С ЗАКРЫТЫМИ КЛУБАМИ. СУПРУГА МИЛЛИАНЕРА: «ЭТО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ПРАВДОЙ»».

Ронни прикрыла веки, чувствуя, как под ними пульсирует горячее яблоко глаз. Отлично. Просто охуенно.

Она перевела взгляд на цифры в углу экрана.

09:51.

День ещё даже не начался, а воздух в помещении уже стал тяжелым, будто наэлектризованным перед бурей. Ронни поняла: спокойная жизнь кончилась в тот момент, когда она нажала «отправить». Ночь закончилась, но её тени только сейчас начали обретать плоть и кровь в реальном мире. И этот день обещал быть бесконечно долгим.

Телефон в руке дернулся в приступе мелкой, судорожной пульсации. Одна вибрация, вторая, третья... а затем непрерывная, бешеная дрожь, будто аппарат пытался вырваться из пальцев и разбиться о бетон, лишь бы не транслировать этот ужас. Мессенджер сдетонировал: уведомления хлынули на экран, выстраиваясь в мельтешащую стену чистой, концентрированной паники.

Имя отправителя вбивалось в глаза с частотой стробоскопа: Кэсси. Кэсси. Кэсси.

Десять неп прочитанных. Двенадцать. Пятнадцать. Каждое новое сообщение шлепалось поверх предыдущего, как мокрые листья на лобовое стекло в ливень — вязко, липко, закрывая обзор.

Ронни щурилась, пытаясь вычленить хоть крупицу смысла в этом цифровом урагане, но истерика Кэсси была как всегда: быстрая, мутная и оглушительно громкая. Стоило открыть чат, как на неё обрушился лавовый поток капса:

«РОННИ ЭТО ПИЗДЕЦ»

«ТЫ ВИДЕЛА НОВОСТИ??»

«У НАС ВСЁ ГОРИТ Я НЕ ЗНАЮ ЧТО ДЕЛАТЬ»

«МАТЬ ОРЁТ КАК СУМАСШЕДШАЯ»

«ПАПА ВЗБЕСИЛСЯ ОН КРИЧИТ ЧТО ЭТО ВСЁ ЛОЖЬ»

«ПОЛОВИНА ПАРТНЁРОВ УЖЕ РАЗРЫВАЮТ КОНТРАКТЫ»

«РОННИ Я НЕ МОГУ Я СЕЙЧАС УМРУ»

Следом прилетела вторая «простыня», ещё более бессвязная. Текст, набитый дрожащими пальцами, шел сплошным нечитаемым комом — Кэсси кричала в экран, пытаясь перерорать собственный ужас:

«ТЫ ПОНИМАЕШЬ ОНИ ПИШУТ ЧТО МЫ “ПРИКРЫВАЛИ СЕТЬ КЛУБОВ ДЛЯ МИЛЛИОНЕРОВ” ЧТО ЭТО ВСЁ “СЕМЕЙНЫЙ БИЗНЕС” ЭТО ЛОЖЬ МАМА ПЛАЧЕТ ПАПА БЕШЕНСТВУЕТ ЮРИСТЫ ОРУТ Я НЕ ЗНАЮ ЧТО МНЕ ДЕЛАТЬ»

Ронни задержала дыхание и на секунду плотно зажмурилась. Не от сочувствия — от сенсорной перегрузки. Паника Кэсси никогда не была просто водой, это всегда была лавина: грязная, вязкая, сносящая на своем пути любые доводы рассудка.

Финальная порция сообщений прилетела как контрольный выстрел в голову:

«МЕНЯ СЕЙЧАС ВЫТОШНИТ»

«РОННИ ПОЖАЛУЙСТА ОТВЕТЬ»

Ронни перевернулась на спину, вытянув руку с телефоном над лицом. Тонкий солнечный луч, пробившийся сквозь щель, полоснул её по глазам, но она даже не зажмурилась. Это вязкое, тупое состояние между сном и реальностью работало как анестезия, делая её ещё более отрешённой, чем обычно.

На фоне цифровой истерики Кэсси эта внутренняя тишина Ронни выглядела почти наглостью — как полный штиль в эпицентре торнадо. Она медленно, почти лениво, вбила в строку ответа единственное слово:

«Дыши».

Ответ сдетонировал мгновенно — Кэсси явно сидела, вцепившись в телефон мертвой хваткой:

«Я ДЫШУ Я ПРОБУЮ НО МЕНЯ ВСЮ ТРИСЁТ Я НЕ ЗНАЮ ЧТО ДЕЛАТЬ»

Ронни устало выдохнула, прижав тыльную сторону ладони к горящим векам. В этом жесте было больше скуки, чем

сострадания. Она вбила:

«Не сваливай всё на себя».

Индикатор набора текста замигал судорожно, предвещая очередную волну дерьма:

«НО ЭТО ЖЕ МОЙ ОТЕЦ РОННИ ЭТО ПРО НАШУ СЕМЬЮ ВСЕ ПИШУТ ЧТО МЫ СРАННАЯ ДИНАСТИЯ С ПРИВАТНЫМ МАСЛЯНЫМ БИЗНЕСОМ ОНИ МЕНЯ СЕГОДНЯ ПОРВУТ»

Ронни невесомо пожала плечом, равнодушно глядя в потолок, будто Кэсси могла считать это движение сквозь километры сетей.

«Просто успокойся».

Пауза. Впервые за всё утро — целых пять секунд тишины. Для Кэсси, привыкшей жить на вдохе, это было почти медитацией. Наконец, экран выдал тихое, надломленное:

«...я не могу».

Ронни не дрогнула. Она не умела в сочувствие, зато отлично умела в алгоритмы. Она просто сменила угол подачи, переводя истерику в плоскость выполнимых задач:

«Сможешь вечером. Приезжай ко мне. Разберёмся».

Никаких «удобных» эмоций. Никаких пустых, как сухая шелуха, «держись» или обещаний, которые в этом городе не стоят и цента. Её стиль — голая конкретика.

На этот раз Кэсси не сдетонировала. Она замолчала — долго, по-настоящему. Ронни почти видела, как сестра там, на другом конце города, наконец оседает на пол, прижавшись

лбом к холодному колену.

«После шести... я тогда приеду?»

«Приезжай».

И финальное сообщение, короткое и непривычно человеческое:

«Спасибо».

Ронни выронила телефон на подушку и с силой вдавила ладонь в лицо. Свет, пробивающийся сквозь пальцы, резал зрачки. Тело гудело так, словно ночью по ней несколько раз проехали катком — методично, слева направо и обратно. Мозг искрил вялой, ядовитой злостью; мысли не желали выстраиваться в логические цепи, напоминая старую, оголенную проводку, которую давно пора было пустить под нож.

Она нащупала край одеяла и резким, брезгливым движением скинула его с себя.

— Мне нужен душ... — выдохнула она в пустоту вокруг. Голос прозвучал как стон. Кожа противно липла к ткани футболки, а несвязные обрывки ночных кодов — к вискам. Ей казалось, что если она сейчас не смоет с себя этот город и это утро, она просто врастет в бетон.

Она уже опустила ноги на ледяной бетон, и тело только начало выталкивать себя вверх, когда телефон снова ожил. Звонок. Настойчивый, сверлящий тишину. Ронни замерла в нелепой, изломанной позе на полпути к вертикали.

На экране высветилось: «Больница Святой Агаты».

— Блядь... — выдохнула она. Это не было ругательством;

просто короткий, судорожный спазм легких, произвольный, как кашель при попадании дыма.

Мир вокруг мгновенно сузился до размеров мерцающего дисплея. Холод от пола, казалось, ударил прямо в позвоночник, вымораживая последние остатки утренней сонливости. Она знала: из Святой Агаты не звонят, чтобы пожелать доброго утра.

Она поднесла трубку к уху.

— Да? — голос вышел низким и наждачным, будто она всю ночь не кодила, а кричала на кого-то в дыму дешевых сигарет.

В трубке зашелестел стерильный шум регистратуры: шепот принтеров, деловитый стук каблуков, чья-то приглушенная ругань в очереди. И поверх этого хаоса — голос администратора, идеально выверенный, натренированный на фальшивое сочувствие:

— Доброе утро. Больница Святой Агаты. Пациент, закрепленный за вашим номером... операция завершена.

Ронни молчала. Она слишком хорошо знала этот тон: когда новости хорошие, в голосе звучит облегчение. Здесь же была лишь сухая констатация.

— Во время процедуры возникли осложнения, — сотрудница понизила тон, переходя к сути. — Потребовались дополнительные препараты и спецтехника. Чтобы продолжить лечение, необходима доплата.

Пауза. Ронни замерла, оперевшись локтем в колено, и

медленно, почти незаметно жевала сухой воздух.

— Сколько? — спросила она. Голос был ровным до жути. Так говорят люди, уже чувствуя холод стали у горла.

— Пятьдесят тысяч. Наличными. До обеда. Если средств не поступит, мы переведем пациента в общий стационар, но специфические процедуры будут прекращены.

Ронни зажмурилась. Челюсть свело судорогой, спина выгнулась струной под невидимым грузом, но лицо осталось неподвижной маской. Ни вопросов о диагнозе, ни торга, ни мольбы. В её мире цифры не обсуждают — их либо принимают, либо нет.

— Привезу.

Она произнесла это так же буднично, как если бы заказывала доставку еды.

Администратор на том конце чуть смягчилась — профессиональный инстинкт опознал в Ронни «платежеспособного одиночку», который не тратит время на истерики.

— Благодарю. Предупредите на регистрации, когда будете на месте.

— Да.

Ронни сбросила вызов. Тишина ангара обрушилась на неё, став почти осязаемой.

Она выронила телефон на смятое одеяло. Пару секунд Ронни сидела неподвижно, глядя в одну точку — как зависший компьютер, которому требуется время, чтобы восстановить прерванный процесс и заново выстроить логиче-

ские связи. Тишина ангара, до этого фоновая, теперь казалась плотной и ватной, давящей на перепонки.

Затем — резкий, глубокий вдох, будто в легкие впрыснули чистый адреналин.

Душ, кофе, усталость — всё это мгновенно ушло в «корзину», стертое единственной задачей. Она посмотрела в пустоту перед собой и вслух, чеканя слова, скомандовала самой себе:

— Ладно. Работаем.

Она сорвалась с кровати. Тело включилось раньше сознания, запуская автоматический протокол сборки: джинсы с пола, растянутая майка, кожаная куртка, пахнувшая старым бензином и ветром. Волосы — в тугой узел, даже не глядя в зеркало. У раковины она замерла лишь на миг, плеснув в лицо ледяной водой. Кожа отозвалась болезненной судорогой, но глаза наконец сфокусировались. Про душ пришлось забыть — время стало слишком дорогим ресурсом.

Зашнуровывая ботинки, она уже вбивала команды в телефон. Пальцы летали по стеклу, опережая мысли: клининг, генеральная уборка, оплата подтверждена. Следом — доставка еды. Ронни бездумно тыкала в позиции меню: паста, салаты, что-то сахарно-углеводное. Она знала — Кэсси придет с глазами, как две огромные тревожные луны, и её нужно будет закормить до состояния сытого оцепенения, чтобы та просто перестала дрожать.

Металлический щелчок двери отсек берлогу от остально-

го мира. Ронни оседлала байк и повернула ключ — мотор взревел агрессивно, выплевывая в утреннюю прохладу излишки ярости, и в этом грохоте она наконец нашла нужный ритм. Пятьдесят тысяч со счета «Ричарда Ричардсона» превратились в плотный, неприлично тяжелый конверт. В руках он ощущался не бумагой, а свинцовым кирпичом, за который можно было убить или, как в её случае, попытаться купить еще немного времени.

Больница встретила её удушливым коктейлем из хлорки, дешевого кофе и застарелого страха. Ронни прошла сквозь дневную суету регистратуры как нож сквозь масло — уверенно, не сбавляя шага. Она просто положила «кирпич» на стойку. Без объяснений. Без лишних взглядов.

Женщина за стеклом, с ниточками выщипанных бровей и пластиковой улыбкой, была здесь лишним элементом, механизмом по приему подношений. Она бросила на конверт короткий, профессионально-прожорливый взгляд, взвесив его толщину опытным глазом скупщика краденого.

— Запишем как «неотложный фонд», — сухо бросила она, и конверт исчез в недрах ящика. В её голосе не было ни капли участия — только ледяная безучастность человека, который привык конвертировать чужие трагедии в отчетные строки.

— Если что-то изменится, вам позвонят, — добавила она дежурную фразу, звучащую как автоматическое уведомление о списании баланса. Ни слова о состоянии пациента, ни

предложения пройти в палату. Только транзакция.

Ронни кивнула, давно приняв правила этой циничной игры. Ни злости, ни благодарности — только пустота. Она развернулась и вышла прочь, кожей чувствуя, как её спину сверлит равнодушный взгляд женщины, для которой человеческая жизнь имела четкий номинал в пятьдесят тысяч.

Домой она не поехала. Выкатила байк на пустую полосу и выжала газ — ровно настолько, чтобы город превратился в бесконечную, смазанную ленту. Ледяной воздух бил в шлем, выдувая из головы запах хлорки и остатки утреннего оцепенения.

Она не выбирала маршрут. Просто гнала туда, где было меньше трафика и больше длинных прямых. Светофор, еще один, бесконечная череда пустых витрин. Один час растворился в дорожной пыли, следом за ним — второй. Город медленно менял палитру: от агрессивного дневного блеска к уставшему золоту заката.

Когда она свернула в свой район, сумерки уже накрыли улицы мягким серым пеплом. Ронни сбавила скорость — накопившаяся усталость давила на плечи, свинцом оседая в мышцах. Байк гудел приглушенно и ровно, убаюкивая саму дорогу.

Экран телефона на руле дважды коротко мигнул: клининг закончил работу, курьер с едой будет через десять минут. Мир продолжал функционировать в заданном ритме, пока она пыталась собрать себя заново. И от этой механической

точности чужих услуг становилось почти легче.

Ронни заглушила двигатель, и тишина тут же сомкнулась над ней плотным куполом. Вечерний воздух в её квартале был неподвижным и дорогим — это была та особая тишина, которую покупают вместе с квадратными метрами. Идеально выбритые газоны, мягкая подсветка клумб, гладкий камень фасадов и ни одной соринки на дорожках. Даже ветер здесь, казалось, соблюдал правила хорошего тона.

Вокруг всё сияло вычищенным, благополучным глянецом: бесшумные прохожие, зеркальные витрины холлов, новые машины без единой царапины. Эта стерильность резала глаз сильнее любого хаоса, напоминая плохо нарисованную картинку «безопасного мира».

Ронни сняла шлем и глубоко вдохнула. Голова гудела от перегрузки: взлом Лоуренса, ночной поединок с хакером, паника заказчика и чеки из больницы за право на жизнь — всё это смешалось в плотный, липкий фон. Ей нужно было всего несколько минут тишины, чтобы просто не чувствовать веса этой реальности.

Старенькая BMW E30 вползла в этот лакированный рай, как бездомный пес на светский раут. На фоне полированного стекла фасадов и машин ценой в квартиру она выглядела вызывающе чужой. Выгоревший кузов, матовые пятна, глубокая борозда на крыле — каждый такт её двигателя отзывался глухим металлическим кашлем, будто машина держалась на одном честном слове.

Стерильный воздух района, обычно пахнувший дорогим парфюмом и свежим эспрессо, мгновенно пропитался едкой гарью старого бензина и паленой резины. BMW замерла в строю безупречных электрокаров и глянцевых внедорожников, как битая декорация из старого нуара, случайно попавшая в кадр рекламного ролика.

BMW дернулась, выдохнула остатки бензина и замерла. Сквозь мутное стекло Ронни видела лишь тени, сплетенные в одну. Короткое движение, наклон плеч — и быстрый, лихорадочный поцелуй, какой бывает только на адреналине, когда страх и нежность смешиваются в опасный коктейль. Из салона будто пахнуло теплым, глупым шепотом.

Пассажи́рская дверь выстрелила, и наружу вылетела Кэсси. Растрепанная, сияющая, со щеками цвета спелого персика — она выглядела как беженка из подростковой комедии, случайно попавшая в триллер. Она чуть не влетела в бордюр, пошатнулась и громко, искренне захохотала. Этот звук был слишком живым, слишком «невоспитанным» для квартала, где эмоции принято дозировать пипеткой.

Силуэт за рулем замер, провожая её взглядом. Но Кэсси не оглядывалась. Она летела вперед на своей импульсивной вере в то, что мир — это доброе место, и всё как-нибудь само собой наладится.

Ронни, неподвижно стоявшая у байка, лениво повесила шлем на руль. Дождавшись, пока подруга почти коснется двери, она негромко, но отчетливо бросила в спину:

— Кэсси. Родители в курсе, что ты спуталась с «Хищниками»?

Кэсси подбросило на месте, будто под подошвами коротнуло. Она обернулась — резко, нелепо, по-детски — и, увидев Ронни, мгновенно сбросила паническую маску.

— РОННИ?! Ты чего тут стоишь, как маньяк из кустов?!

Не дожидаясь ответа, она с размаху врезалась в Ронни, обрушиваясь на неё всем своим весом и нерастраченным страхом. Кэсси повисла у неё на шее, как ребенок, нащупавший опору в темноте. От неё пахло гремучей смесью: дорогими духами, помадой и дешевым бензином из салона BMW.

— Господи, как ты меня напугала! — выдохнула она в плечо подруги, сжимая объятия до хруста.

Ронни приподняла бровь, глядя поверх её плеча на замершую у тротуара «беху». Она положила ладонь на спину Кэсси — чуть жестковато, коротким похлопыванием, возвращая ту в реальность.

— Ты сама себя пугаешь чаще, чем это делает мир, — буркнула она, но в голосе проскользнула редкая, почти незаметная теплота.

Они двинулись к подъезду — плечо к плечу, две тени на безупречном бетоне. Позади них BMW снова глухо зарычала. Машина тронулась нехотя, медленно, словно водитель до последнего кадра удерживал Кэсси в зеркале заднего вида. Фары мазнули по идеальному фасаду, и через секунду «тридцатка» растворилась за углом.

В стерильном воздухе остался висеть едкий шлейф: бензин, подростковый риск и то специфическое предчувствие, которое обычно предшествует катастрофе. Но Кэсси улыбалась — широко и слепо, будто сегодня законы физики и здравого смысла решили сделать для неё исключение.

Тяжелая дверь подъезда отсекала их от улицы, поглотив обеих.

Лифт проглотил их, окутав мягким золотистым светом и той особенной, прикладной тишиной, за которую платят жильцы. Ронни прислонилась к зеркальной панели, наблюдая за отражением Кэсси. Та всё ещё светилась — яркая лампочка, которую забыли выключить. Размазанная помада, горящие щёки и пальцы, мелко дрожащие от адреналинового отката.

Это наивное счастье раздражало Ронни и одновременно кололо где-то под ребрами — бережно, но до боли.

Она дождалась, пока лифт плавно тронется вверх, и бросила в пространство между ними, как сухой факт:

— Ты представляешь, что отец сделает с тобой, когда узнает, что ты спуталась с «Волком»?

Слова легли на Кэсси, как холодный рентгеновский снимок: вот перелом, вот зона поражения, вот здесь будет нестерпимо больно. Кэсси мгновенно сдулась, съёживаясь под взглядом подруги, как щенок, почуявший ошейник.

— Ронни... — начала она, тщетно пытаясь удержать на лице остатки улыбки. — Серёжа ушёл из банды. Он сказал...

сказал, что завязал сразу, как встретил меня.

В её голосе было столько чистой, незамутненной веры, что Ронни захотелось нажать на кнопку «Стоп» и просто выключить свет. Потому что в этом городе вера — это самый тяжёлый и смертоносный наркотик.

Ронни коротко хмыкнула и перевела взгляд на своё отражение в зеркале.

Ну да. Старая сказка. Они все завязывают "ради неё". А потом город включает прожекторы и начинает охоту.

Лифт вибрировал, шурша тросами в шахте; тишина в кабине стала вязкой, как воздух перед грозой. Кэсси сверлила взглядом собственные ладони, тщетно пытаясь унять дрожь.

— Кэсс... ты знаешь, я не являюсь спецом по счастливым романам. Но... — она чуть наклонила голову, выбирая форму. — Город любит подсвечивать тайны тех, кто меньше всего хочет светиться. Ты это понимаешь, да?

Кэсси мертвой хваткой вцепилась в ремешок сумки, будто это был спасательный трос.

— Он хороший, Рон. Правда. Он... он меня защищает. Он сказал, что я изменила его жизнь.

Ронни едва заметно дернула уголком губ. Классика. Внутри неё сухим щелчком пронеслась мысль:

Сначала девочка спасает мальчика. А потом город съедает обоих. На десерт.

Но вслух она промолчала. Просто смотрела, как цифры этажей сменяют друг друга, и думала о том, что у Кэсси

слишком много сердца и абсолютно нет брони. И когда это сердце разобьют — а его разобьют, — осколки будут слишком мелкими, чтобы их можно было склеить.

Дверь закрылась за ними мягким, почти уютным щелчком, окончательно отсекая мир с его счетами, больницами и бандами. Внутри царил стерильный покой: пахло цитрусовым диффузором и свежестью профессионального клининга. Этот резкий контраст ощущался так, будто кто-то одним щелчком тумблера переключил реальность с грязного нуара на интерьерный глянец.

Кэсси влетела в гостиную и, едва скинув ботинки, рухнула на диван. Она раскинула руки, буквально врастая в мягкие подушки с шумным, надрывным выдохом. Одна из подушек отлетела на пол, но Кэсси было плевать.

— Боже-е-е... — трагично простонала она, накрывая лицо ладонями. — Я больше никогда не выйду наружу. Пускай отец официально лишает меня наследства — это будет меньший стресс, чем всё, что случилось сегодня.

Ронни лишь покачала головой и ушла на кухню. Её движения были отточены до автоматизма: бокалы, штопор, вино — она работала одной рукой, пока вторая привычно проверяла статус доставки. В её мире жизнь всегда шла по двум параллельным кодам.

— Ты хотя бы будь осторожнее, — бросила она через плечо. Голос звучал ровно, но в глубине отчетливо лязгал металл. — С «Хищниками» не шутят. Сама знаешь.

Кэсси, лежавшая на диване «звездочкой», приподняла голову. Паника окончательно выветрилась, уступив место сытому довольству девушки, которую только что целовали на парковке.

— Слушаюсь, мам, — пропела она тоном школьницы, получившей выговор за забытый шарф.

Ронни с глухим стуком поставила бокалы на стол и опасно прищурилась:

— Кэсс. Я не шучу.

— А я — да, — хмыкнула та, вытягивая руки к вину с кошачьей грацией. — Я сказала Серёже, чтобы он никому не рассказывал. И вообще, он завязал. Официально. Ну... почти. Наверное.

Ронни протянула ей бокал и опустилась рядом. Но если Кэсси растекалась по дивану, то Ронни сидела прямо, как натянутая струна, сканируя лицо подруги на предмет того, что осталось недосказанным.

Кэсси сделала глоток, отмахнувшись от всех проблем мира сразу:

— Правда-правда, мамочка Ронни. Я буду тише воды.

От этой беззаботной фразы — такой живой и такой убийственно наивной — Ронни захотелось одновременно и рассмеяться, и встряхнуть Кэсси так, чтобы зубы застучали. Но она лишь молча пододвинула тарелки ближе.

В квартире воцарилась вязкая, домашняя тишина. Мир за дверью перестал существовать, оставив им короткий зазор

в несколько часов, чтобы просто отдышаться. Кэсси сделала еще глоток и поставила бокал на стол с неожиданным, тяжелым стуком. Весь её облик мгновенно переменялся, будто она наконец сбросила с плеч непосильный груз.

— Честно? — она нервно убрала прядь с лица, и в её глазах мелькнуло что-то совсем не веселое. — «Хищники» — это, наверное, самая мелкая из моих проблем на сегодня.

Ронни замерла, не донеся бокал до губ. Один короткий взгляд — молчаливое приглашение вскрывать карты.

Кэсси горько усмехнулась, поджимая губы.

— Если бы дело было только в Серёже, я бы сейчас по ванной со скакалкой прыгала. Но нет... — Она со стуком прижала ладонь к груди. — Отец решил превратить наш дом в грёбаный Форт-Нокс.

Кэсси сорвалась с места, меряя комнату шагами, чтобы хоть куда-то выплеснуть остатки адреналина.

— Я не знаю, что именно вытянул из него этот чертов хакер, — её голос сорвался на высокую, дрожащую ноту, — но отец сегодня... Он просто сорвался с цепи, Ронни. Он выкрутил защиту на максимум, на всё, до чего смог дотянуться.

Она рухнула обратно на диван, словно у неё разом перерезали сухожилия.

— Я теперь как рыбка в аквариуме, — она развела руками, очерчивая в воздухе невидимые стеклянные стены. — Полная прозрачность. Каждый шаг подсвечен, каждый мой вздох слышен. Я буквально чувствую, как за мной наблюда-

ют из каждой розетки.

Ронни слушала, не шевелясь. Внешне — ледяное спокойствие, внутри — короткий, едкий укол вины под ребрами. Но Кэсси, захлебываясь собственным возмущением, ничего не замечала.

— Ты же знаешь его паранойю! — она снова вскочила, нарезая круги вокруг столика. — Он перепахал всё: врубил принудительную геолокацию, обрезал доступы, вставил какие-то интеллектуальные фильтры в чаты... Заходишь позалипать в соцсетях и кожей чувствуешь, как кто-то дышит тебе в затылок.

Она замерла, и её лицо побелело от внезапного осознания: — А если там прослушка? Мониторинг? Камеры? Ронни... — её глаза расширились от ужаса. — Это значит, что я теперь не имею права ни на одно действие, о котором не должен знать отец!

Последние слова сорвались на приглушенный, яростный крик. Это был крик зверя, который только что услышал, как за спиной хлопнула дверь клетки.

Комната мгновенно оглохла. Ронни медленно взяла бокал, концентрируясь на движении пальцев — ей нужно было занять руки, чтобы не выдать собственного напряжения. Глубокий вдох. Это был не покой, а принудительная стабилизация системы перед критическим сбоем.

— Для начала — ты напугана. И ты вымотана, — произнесла она ровным, почти гипнотическим тоном. — В та-

ком состоянии любая проблема раздувается до размеров катастрофы.

Кэсси едва заметно кивнула, но её плечи продолжали мелко дрожать. Ронни понимала: этот страх был оправдан, и половина его веса лежала на её собственной совести. Каждое слово Кэсси о «стеклянных стенах» было эхом ночной атаки самой Ронни.

Наступило затишье. Но это был не мир, а временная остановка сердца перед новым приступом паники.

Она сжала бокал до белых костяшек и выплюнула с ненавистью:

— И пресса, сука... Эти твари! Пишут так, будто мы лично людей в рабство продавали. Будто я стояла на входе с табличкой «оптом дешевле»!

Кэсси снова вскочила — ей явно стало тесно в собственной коже. Она металась по комнате, тыча пальцем в невидимые заголовки:

— Ты видела эти рожи в эфире? Они же кайфуют! Просто смакуют, как нас рвут на куски. «Династия с приватными клубами», «скандал века»... Да пошли вы! — Она ударила ладонью по стеклу, глядя в темное окно так, словно там, внизу, уже дежурили папарацци. — Они рисуют из отца криминального гения, а из мамы — мадам в борделе. Никто из них ни черта не знает, но картинка уже готова!

Ронни молча поставила бокал на стол. Она не перебивала, позволяя этому ядовитому пару выйти наружу. Её спо-

койствие работало как заземление — неподвижная точка в центре этого шторма.

Кэсси резко развернулась, и её голос опасно дрогнул:

— Они выворачивают всё так, будто я... будто я была в доле. Пишут, что «дочь покрывала бизнес». Я?! — Она вцепилась в свои волосы. — Да я дышать боялась лишний раз, чтобы отец не узнал о какой-нибудь мелочи!

Голос сорвался в сухом, хрустящем всхлипе. Но слез не было. Внутри неё кипело слишком много чистой, концентрированной ярости.

Ронни подошла вплотную, мягко выволила бокал из её пальцев и поставила на стол. Кэсси не сопротивлялась — она лишь тяжело, рвано дышала, выжженная собственной яростью.

— Кэсс, — голос Ронни звучал низко и устойчиво. — Не смей верить людям, чей доход зависит от кликов. Они пишут не про тебя и даже не про твою семью. Они пишут про статистику просмотров. Это всё, что их волнует.

— Но там же моё имя... — Кэсси сжала губы, пытаясь сдержать дрожь.

— Нет, — Ронни коснулась её руки. — Они пишут про свою фантазию. Ты знаешь правду, твои близкие — тоже. А эти стервятники завтра найдут себе нового «дьявола недели» и переключатся на него.

Плечи Кэсси наконец опустились. Гнев уступил место колоссальной усталости.

— Наверное... — выдохнула она. — Но всё равно мерзко.

— Мерзко, — согласилась Ронни, не давая ложных надежд. — Но ты не обязана тащить эту грязь на себе. План на вечер: вино, еда и полная цифровая изоляция. Никаких новостей.

Кэсси выдавила слабую, почти прозрачную улыбку:

— Ты как всегда. Мудрая и язвительная.

— Я просто компенсирую твой хаос, — Ронни пожала плечами. — Кто-то же должен.

Ронни отставила бокал. Она потянулась, разминая шею, и её взгляд внезапно утратил мягкость, став по-хищному сосредоточенным.

— А вообще... — протянула она, и в голосе прорезался холодный азарт. — Давай-ка препарлируем твою «страшную прослушку». Посмотрим, насколько глубоко залез папа. Может, у моих знакомых найдутся инструменты поострее.

Кэсси моргнула, выныривая из своего оцепенения. Надежда на её лице смешалась с недоумением:

— Т-то есть... ты можешь?..

— Ну давай сначала глянем, — лениво, без обещаний.

Её тень, длинная и гибкая, бесшумно скользнула по стене. В этот момент в ней не осталось ничего от просто «подруги», с которой можно поболтать о парнях. Она превращалась в ту Ронни, которая ночью вскрывает серверные шлюзы.

Ронни вернулась с макбуком — старым, в боевых вмятинах, похожим на ветерана, который слишком много знает,

чтобы блеснуть новизной. Она раскрыла его на коленях и сухо скомандовала:

— Телефон.

Кэсси послушно вложила мобильный в её ладонь, но внезапно замерла. Её взгляд метнулся от экрана ноутбука к лицу подруги.

— Подожди... — прошептала она, и в глазах мелькнула догадка. — А ты... ты что, тоже из «этих»?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.